

На правах рукописи

СМИРНОВ Дмитрий Александрович

**НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА (1920-е – 1930-е гг.):
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ФЛАНЁР
В ЛАБИРИНТЕ КУЛЬТУР И ВРЕМЕН**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(новая и новейшая история)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Иваново — 2013

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Официальные оппоненты **Павлов Виктор Сергеевич**,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»,
профессор кафедры истории зарубежных стран

Захаров Владимир Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заведующий кафедрой германских языков и культур

Артамошин Сергей Викторович,
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», начальник отдела мониторинга и организации научных исследований

Ведущая организация ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится 27 сентября 2013 г. в 13 часов 00 минут на заседании Диссертационного совета Д 212.062.02 при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Тимирязева, д. 5, ауд. 101.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет».

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Полывянный Д. И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Значительная часть жизни немецкого мыслителя Вальтера Беньямина (1892 – 1940 гг.) прошла в период Веймарской республики. Однако сделанное им в 1920-е – 1930-е гг. создало основу для роста популярности идей мыслителя во второй половине XX в., позволив стать Беньямину одной из знаковых фигур современного гуманитарного знания.

Поскольку его интересы не носили системного характера и развивались в нескольких направлениях, сегодня о нем говорят и как о философе, и как о литературоведе, и как о публицисте, и просто как о журналисте. Вместе с тем Беньямина можно охарактеризовать как интеллектуального фланёра, модель которого он обнаружил в прошлом и анализировал в своих исторических работах. При этом в качестве интеллектуального фланёра он был летописцем современной ему жизни и стремился представить ее различные стороны – от политики до повседневности. Потому темы его работ были столь разнообразны.

В межвоенный период и тем более в Веймарской Германии надо было находиться на острие общественных событий и Беньямин, несмотря на большой интерес к разным интеллектуальным течениям, от крайне правых до радикальных левых концепций, избрал для себя модель познания, которая, как он считал, позволит ему находиться «над схваткой». Основу такой модели он видел в критике. При этом само понимание критики менялось у Беньямина. Перемены в оценке сути критики, ее форме проходили в тесной связи с изменением в положении интеллектуалов, интеллигенции – в разных странах и в Европе в целом, в различные исторические эпохи и в современных Беньямину социально-политических процессах. Оценки самого мыслителя как европейского интеллектуала соответствовали одному из главных принципов формировавшейся при участии Беньямина и легшей в основу идей Франкфуртской школы социальных исследований «критической теории», «критики буржуазного сознания», которая, по его словам, «осуществляется не извне, но как самокритика».

Поиск веры, правды всегда был в сфере деятельности людей, размышлявших над вечными вопросами о сути бытия, ко-

которые ставило перед собой человечество. Для Беньямина, происходившего из семьи торговца, бюргера, и выбравшего гуманитарные науки сферой своих собственных занятий, ключевым для характеристики таких «искателей» было понятие «интеллектуал». Оно представляет собой одну из сторон модели интеллектуального фланёра. Однако в других европейских странах, с общественно-политическими процессами в которых Беньямин был хорошо знаком, во Франции и в Советской России, на первый план в оценке таких «искателей» выходило понятие «интеллигенция» и соответственно их именовали «интеллигентами». Для Беньямина понятие «интеллектуал», применяемое при анализе Веймарской Германии, и понятие «интеллигенция», используемое при изучении процессов во Франции и в Советской России в 1920-е – 1930-е гг., были равнозначны.

В начале XX в. политические процессы в Германии, других европейских странах трансформировали социальное качество интеллектуала и формально, и содержательно. Европейский интеллектуал не мог ограничиваться лишь вопросами культуры и выступил активным участником политических процессов. Вальтер Беньямин как безусловный представитель европейского интеллектуального пространства энергично включился в развернувшиеся дискуссии на эту тему. Интеллектуальный фланёр приобретал в его работах черты деятеля культуры, активно участвовавшего в политических процессах.

Поэтому актуальность изучения модели интеллектуального фланёра, предложенной Беньямином в качестве метода для рассмотрения различных культур и времен и ставшей для самого мыслителя формой отношений к явлениям и субъектам историко-культурного пространства межвоенной эпохи, в котором разворачивалась его научная и общественная деятельность, можно объяснить:

- важностью выявления теоретических и методологических принципов изучения поставленной проблемы в работах отечественных и зарубежных исследователей;
- возникновением в условиях современного мультикультурного пространства новых форм интеллектуального взаимодействия, требующего системного осмысления;

- необходимостью формирования в ответ на потребности современного общества структуры научной деятельности, способствующей широкому рассмотрению исторического прошлого и преодолению барьеров в межкультурных коммуникациях.

Объектом исследования является научная и общественная деятельность Вальтера Беньямина в 1920-е – 1930-е гг.

Предметом исследования является модель интеллектуального фланёра, созданная Вальтером Беньямином в историческом контексте межвоенного времени (1920-х – 1930-х гг.) и взятая им для участия в общественной деятельности и для научного анализа в исследованиях истории и культуры.

Целью исследования является комплексный анализ предложенной Вальтером Беньямином для проведения научных исследований и использованной им в общественной деятельности модели интеллектуального фланёра в ее многообразии и во взаимоотношениях с различными культурами в историческом контексте межвоенного времени (1920-х – 1930-х гг.).

Сформулированная цель предусматривает решение ряда **задач**:

- рассмотреть в свете изучения исторической концепции и признания проблемы интеллектуального фланёра основные направления и состояние исследований общественной деятельности и идейного наследия Беньямина, а также проанализировать степень их обусловленности особенностями социально-политического и культурного развития во второй половине XX в.;

- выявить особенности научной и общественной деятельности Вальтера Беньямина как представителя немецкого интеллектуального сообщества и как активного участника процессов, происходивших в интеллектуальном пространстве Европы в межвоенный период;

- проанализировать оценки Беньямином европейского интеллектуального пространства 1920-х – 1930-х гг. и его представления об интеллигенции России, Франции и Германии в межвоенную эпоху;

- раскрыть структуру и основные составляющие модели интеллектуального фланёра, сконструированной Беньямином

для проведения научных исследований и участия в общественной жизни;

- проанализировать результаты применения Беньямином модели интеллектуального фланёра при изучении конкретных исторических явлений и раскрыть проявления модели интеллектуального фланёра в его общественной деятельности;

- подтвердить или опровергнуть комплексность влияния модели интеллектуального фланёра на общественную и научную деятельность Беньямина.

Хронологические рамки исследования охватывают межвоенный период (1920-е – 1930-е гг.), на годы которого пришелся расцвет научной и общественной деятельности Беньямина, его участия в общественно-политических дискуссиях, получавших прямое и косвенное отражение в его научных работах.

Территориальные рамки исследования не ограничиваются Германией, а охватывают территорию европейских стран, которые посещал и где работал Беньямин в 1920-х – 1930-е гг. Именно они создавали для него европейское интеллектуальное пространство, в котором он находил новые идеи и темы для своих исследований. При этом стоит отметить, что Беньямина в его наблюдениях привлекали не столько страны, сколько города. И потому границы между странами были для него менее заметны и существенны, чем границы между кварталами внутри одного города, разделявшие различные социальные типы.

Методология и методы исследования. Для решения поставленных задач в исследовании был использован ряд методологических подходов. Важнейшую роль сыграли общие принципы научного познания (историзм и объективность, неразрывность общего, особенного и отдельного, всесторонность и взаимообусловленность явлений, индукция и дедукция, диалектика и др.), специально-исторические (хронологический, системный, комплексный анализ источников, исторических параллелей и др.). Кроме этого, применялся критический подход, характерный для исторических работ Франкфуртской школы и общего понимания ее представителями особенностей развития индустриального общества.

При анализе научной концепции Беньямина в культурно-историческом контексте использовались также методы интеллектуальной истории. Жизнь и деятельность Беньямина вкупе с его знакомствами и путешествиями можно представить как особый социальный опыт, нашедший отражение в интеллектуальных практиках мыслителя. Такой взгляд, как отмечает Л.П.Репина, «знаменует переход интеллектуальных историков от абсолютизации к релятивизации объективного изучения»¹. В русле интеллектуальной истории предложил рассматривать С.В.Артамошин течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики, в частности идеи крупнейших представителей этого течения К.Шмитта и Э.Юнгера, которые также стали предметом нашего анализа, поскольку находились в сфере изучения и критики Беньямина².

Многое из методологии Беньямина было впоследствии в ином свете представлено именно у представителей интеллектуальной истории. Так предложенное Беньямином понятие «аура» близко предложенному интеллектуальной историей понятию «дискурс»³. Методология рассмотрения дискурса позволяет также обозначить связь идей Беньямина с еще одним крупнейшим философом истории М.Фуко. Свой взгляд на понимание дискурса Фуко раскрыл в «Археологии знания»⁴. Сегодня идей-

---

¹ Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории// Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25/1. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. С. 9.

² Артамошин С.В. Интеллектуальное течение "консервативной революции" в политической жизни Веймарской республики : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.03. Брянск, 2011.

³ См.: Зенкин С. Русская теория и интеллектуальная история// Новое литературное обозрение. 2003. № 61. <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/zen.html> (дата обращения: 20.01.2013); Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка?// Новое литературное обозрение. 2004. № 66. <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html> (дата обращения: 20.01.2013).

⁴ Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

ная связь двух философов истории представляется вполне обоснованной для западных и отечественных исследователей¹.

Характерной чертой нашего исследования является использование междисциплинарного подхода, проявившего себя на пересечении истории с философией, социологией, психологией, политологией, филологией в общем стремлении к полномасштабной обработке данных.

Источниковая база исследования. Основу источниковой базы составляют произведения, собранные и оцифрованные в архиве Вальтера Беньямина в составе Академии искусств в Берлине и опубликованные в семитомном «Собрании сочинений» мыслителя². Также в этом архиве собраны письма и другие документы, содержащиеся в примечаниях к данному изданию или вошедшие в шеститомное «Собрание писем» Беньямина³.

Использованные в диссертации источники можно разделить на две части: 1) сочинения Беньямина и его переписку и 2) сочинения и переписку его коллег и современников. Материалы, связанные с жизнью и деятельностью Беньямина и вошедшие в *первую часть*, можно разделить на 1) опубликованные при жизни работы, и 2) неопубликованные архивные материалы, в том числе варианты опубликованных работ. Ко второй группе относятся и переписка мыслителя.

Значительную часть документов для исследования составили опубликованные произведения Беньямина. Свои работы он стал публиковать еще школьником в 1910 г. под псевдонимом Ardog в журнале «Anfang». Поэтические и критические опыты были продолжены в 1911 г. Большинство из них опубликовано в

---

¹ Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик// Мишель Фуко и Россия: Сб. статей/ Под ред. О.Хархордина. — СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. С. 68.

² Benjamin W. Gesammelte Schriften. 7 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1972-1989. (далее в сносках используется принятая в работах о Беньяmine сокращенная форма ссылок на работы, включенные в «Собрание сочинений» (Gesammelte Schriften – GS) с указанием тома и страницы).

³ Benjamin W. Gesammelte Briefe. 6 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995-2000.

«Собрании сочинений»¹.

Основная масса текстов Беньямина, написанных в годы студенчества, вплоть до 1919 г. не была напечатана. Некоторые из них стали источниками для нашего исследования. К этим же архивным материалам, ненапечатанным при его жизни, относятся дневниковые записи 1912 г. во время поездки в Италию. Одно из исключений представляет собой очерк ««Идиот» Достоевского», написанный в 1917 г., а в 1921 г. напечатанный в журнале «Argonauten»².

Регулярно публиковаться Беньямин стал после 1920 г., когда отдельной книгой вышла его диссертация «Понятие художественной критики в немецком романтизме»³. Появлявшиеся в печати работы Беньямина 1920-х – 1930-х можно разделить на *семь групп*: 1) монографии по литературе, истории, теории культуры, на общественно-политические темы; 2) исследования по метафизике и философии истории; 3) эссе и статьи по литературе и эстетике; 4) работы по вопросам политики в сфере культуры; 5) литературная критика и рецензии; 6) малая проза и публицистика; 7) переводы, прежде всего, произведений Ш. Бодлера. На эти группы можно разделить и неопубликованные произведения.

К *первой группе* наряду с названной диссертацией относится текст второй диссертации «Происхождение немецкой барочной драмы»⁴, отклоненной советом, но опубликованной отдельной монографией в 1928 г. Сюда же следует отнести опубли-

---

¹ Benjamin W. Der Dichter// GS. II. S. 832; Benjamin W. In der Nacht// GS. II. S. 832; Benjamin W. Die drei Religionsucher// GS. II. S. 892; Benjamin W. Sturm// GS. II. S. 834; Benjamin W. Des Frühlings Versteck// GS. II. S. 834; Benjamin W. Dämmerung// GS. II. S. 835; Benjamin W. Das Dornröschen// GS. II. S. 9; Benjamin W. Die Freie Schulgemeinde// GS. VII. S. 9.

² Benjamin W. Dialog über Religiosität der Gegenwart// GS. Band II. SS. 16-35. Benjamin W. Meine Reise in Italien Pfingsten 1912// GS. Band VI. S. 252; Benjamin W. «Der Idiot» von Dostojewskij// GS. Band II. SS. 237-241.

³ Benjamin W. Der Begriff der Kunstkritik in der deutschen Romantik// GS. Band I. S. 110

⁴ Benjamin W. Ursprung des deutschen Trauerspiels// GS. Band I.

ликованную в 1936 г. во французском варианте статью «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», в дальнейшем доработанную мыслителем и изданную на немецком языке после его смерти¹.

К материалам *второй группы* среди опубликованных относится статья «Опыт и бедность»². Но большую часть группы представляют работы, неопубликованные при жизни Беньямина. Это материалы исследования парижских пассажей, статья «О понятии истории», а также ряд законченных текстов, объединяемых сегодня в цикл «Шарль Бодлер. Лирик в эпоху высокого капитализма», в том числе «Центральный парк»³. *Третья группа* представлена опубликованными статьями «Сюрреализм: Последний моментальный снимок европейской интеллигенции» (1929), «Малая история фотографии» (1931), «Рассказчик» (1936), «Эдуард Фукс, собиратель и историк» (1937), и неопубликованной «Что такое эпический театр?»⁴.

К *четвертой группе* относятся заметки «Политическая расстановка русских писателей» и «Новая поэзия в России», «О положении русского искусства», опубликованные в 1927 г., и статья «О современном общественном положении французского писателя» (1934)⁵. Эта группа также представлена рецензией на

---

¹ Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit// GS. Band I. SS. 431-508; Benjamin W. L'oeuvre d'art à l'époque de sa reproduction mécanisée// GS. Band I. SS. 709 – 736.

² Benjamin W. Erfahrung und Armut// GS. Band II. SS. 213–219.

³ Benjamin W. Das Passagen-Werk. Aufzeichnungen und Materialien// GS. Band V; Benjamin W. Über den Begriff der Geschichte // GS. Band I. SS. 691-704; Benjamin W. Zentralpark// GS. Band I. SS. 655-690.

⁴ Benjamin W. Der Sürrealismus. Die letzte Momentaufnahme der europäischen Intelligenz // GS. Band II. SS. 295-310. Benjamin W. Kleine Geschichte der Photographie// GS. Band II. SS. 368-385. Benjamin W. Der Erzähler. Betrachtungen zum Werk Nikolai Lesskows// GS. Band II. SS. 438-465. Benjamin W. Eduard Fuchs, der Sammler und der Historiker// GS. Band II. SS. 465-505. Benjamin W. Was ist das epische Theater. Eine Studie zu Brecht// GS. Band II. SS. 519-531.

⁵ Benjamin W. Die politische Gruppierung der russischen Schriftsteller// GS. Band II. SS. 743-747. Benjamin W. Neue Dichtung in Russland// GS. Band II. SS. 755-762; Benjamin W. Zur Lage der russischen Filmkunst//

исследование З.Кракауэра «Служащие» (1930), критической статьей, посвященной трем автобиографическим книгам – В.Шкловского, А.Полгара, Ж.Бенда, которые, по мнению Беньямина, «без иллюзий» дают «представление о европейских делах» (1928), а также рецензией на автобиографическую книгу М.Алданова (1933), рецензиями на книги В.Хегеманна (1930), Э.Кестнера (1931) и К.Хиллера (1932), А.Дёблина (1930) и Р.Шерриффа (1933), Э.Хернле (1929) и Э.Юнгера (1930), очерком, где анализируются идеи Института социальных исследований (1938), и, наконец, обзором работ А.Жида (1936), а также другими критическими материалами¹. Из неопубликованных материалов к этой группе относится подготовленный, но не представленный доклад «Автор как производитель» (1934), материалы к эссе о Ф.Кафке (1934), статьи, посвященные «Трехгрошевой опере» (1935) и одноактным пьесам Б.Брехта (1938), а также фрагменты «Фальшивая критика» и «К критике «новой вещественности»» (1931). К этой группе относится меморандум проекта журнала «Кризис и критика», планируемого в 1930 г., но не-

---

GS. Band II. SS. 747-751; Benjamin W. Zum gegenwärtigen gesellschaftlichen Standort des französischen Schriftstellers// GS. Band II. SS. 776-803.

¹ Benjamin W. Ein Aussenseiter macht sich bemerkbar. Zu S. Kracauer, «Die Angestellten»// GS. Band III. SS. 219-225; Benjamin W. Drei Bücher// GS. Band III. SS. 107-113; Benjamin W. Marc Aldanov, Eine unsentimentale Reise. Begegnungen und Erlebnisse im heutigen Europe// GS. Band III. SS. 386-388; Benjamin W. Ein Jakobiner von heute. Zu Werner Hegemanns «Das steinerne Berlin»// GS. Band. III. SS. 260-265; Benjamin W. Linke Melancholie. Zu Erich Kästners neuem Gedichtbuch// GS. Band. III. SS. 279-283; Benjamin W. Der Irrtum des Aktivismus: Zu Kurt Hillers Essaybuch «Sprung ins Helle»// GS. Band III. SS. 350-352; Benjamin W. Krisis des Romans. Zu Döblins «Berlin, Alexanderplatz»// GS. Band III. SS. 230-236; Benjamin W. Kleiner Mann aus London// GS. Band III. SS. 401-404; Benjamin W. Eine kommunistische Pädagogik// GS. Band III. SS. 206-209; Benjamin W. Theorien des deutschen Faschismus// GS. Band. III. SS. 238-250; Benjamin W. Pariser Brief <1>. Andre Gide und sein neuer Gegner// GS. Band III. SS. 482-495; Benjamin W. Ein deutsches Institut freier Forschung// GS. Band III. SS. 518-526; Benjamin W. Rückblick auf Chaplin// GS. Band III. SS. 157-159; Benjamin W. Michael Sostschenko, So lacht Russland! Humoresken// GS. Band III. S. 105.

осуществленного¹.

Пятая группа, объединяющая малую прозу и публицистику, включает работы «Деструктивный характер» (1931), «Москва» (1927), «Диспут у Мейерхольда» (1927), «Как выглядит успех в русском театре», (1930), «Улица с односторонним движением» (1928), «Разговор с Андре Жидом» (1928), «Андре Жид и Германия» (1928), а также «Разговор с Эрнстом Шёном» (1929)². Из архивных материалов к этой группе относятся «Заметки о «деструктивном характере»»³ и значительная часть автобиографических текстов Беньямина. Это «Московский дневник» (1926-1927), «Берлинская хроника» (1932), дневниковые записи 1931 г., 1934 г. и 1938 г., а написанные мыслителем краткие автобиографии для подачи документов на вакансии⁴

---

¹ Benjamin W. Der Autor als Produzent// GS. Band II. SS. 683-701; Benjamin W. Schemata, Dispositionen und Aufzeichnungen (bis ca. August/September 1934) zum Kafka-Essay von 1934// GS. Band II. SS. 1205-1248; Benjamin W. Brechts Dreigroschenroman// GS. Band III. SS. 440-449; Benjamin W. Das Land, in dem das Proletariat nicht genannt werden darf// GS. Band II. SS. 514-518; Benjamin W. Falsche Kritik// GS. Band VI. SS. 175-179; Benjamin W. Zur Kritik der «Neuen Sachlichkeit»// GS. Band VI. SS. 179-180; Benjamin W. Memorandum zu der Zeitschrift «Krisis und Kritik»// GS. Band VI. SS. 619-621.

² Benjamin W. Der destruktive Charakter// GS. Band IV. SS. 396-398; Benjamin W. Moskau// GS. Band IV. SS. 316-348; Benjamin W. Disputation bei Meyerhold// GS. Band IV. SS. 481-483; Benjamin W. Wie ein russischer Theatererfolg aussieht// GS. Band IV. SS. 561-563; Benjamin W. Einbahnstraße// GS. Band IV. SS. 83-148; Benjamin W. Gespräch mit Andre Gide// GS. IV. SS. 502-509; Benjamin W. Andre Gide und Deutschland. Gespräch mit dem Dichter// GS. IV. SS. 497-502; Benjamin W. Gespräch mit Ernst Schoen// GS. Band IV. SS. 548-551.

³ Benjamin W. Notizen über den «destruktiven Charakter»// GS. Band IV. SS. 999-1001.

⁴ Benjamin W. Moskauer Tagebuch// GS. Band VI. SS. 292-409; Benjamin W. Mai – Juni 1931// GS. Band VI. SS. 422-441; Benjamin W. Berliner Chronik // GS. Band VI. SS. 465-519; Benjamin W. Notizen Svendborg Sommer 1934// GS. Band VI. SS. 523-532; Benjamin W. Tagebuchnotizen 1938// GS. Band VI. SS. 532-539; Curriculum Vitae Dr. Walter Benjamin// GS. Band VI. SS. 225-228; Benjamin W. Lebenslauf <III>// GS. Band VI. SS. 217-219.

Беньяминовы переводы Бодлера, а именно «Парижские картины» вышли из печати в 1923 г. Частью этого издания стало предисловие «Задача переводчика», воспринимающееся сегодня как вполне самостоятельный текст¹. Необходимо отметить, что значительная часть переводов Беньямином Бодлера представлена в числе материалов исследования парижских пассажей.

Значительную часть источников представляют первые по-смертные издания или отредактированные версии работ Беньямина, вышедшие из печати до «Собрания сочинений» или не вошедшие в него².

В исследовании также были использованы материалы, относящиеся к жизни и деятельности Беньямина или к истории рецепции его идей во второй половине XX в., например письма и документы, касающиеся взаимоотношений Беньямина с коллегами³. Они составили *вторую часть* массива источников. Сю-

---

¹ Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers// GS. Band IV. S. 9.

² Benjamin W. Berliner Kindheit um Neunzehnhundert. Zusammenstellung und Nachwort von Theodor W. Adorno. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1950; Benjamin W. Illuminationen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1961; Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Drei Studien zur Kunstsoziologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1963, 1968 (2-е издание), 1969 (3-е издание); Benjamin W. Städtebilder. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1963; Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze, Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1965; Benjamin W. Angelus Novus. Ausgewählten Schriften. 2 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1966; Benjamin W. Goethes Wahlverwandtschaften. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1964; Deutsche Menschen. Eine Folge von Briefen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1962 (Adorno Th. W. Nachwort zu «Deutschen Menschen»// Benjamin W. Deutsche Menschen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1962. S. 119-128); Benjamin W. Briefe I [1910-1928], Briefe II [1929-1940]. Hrsg. Gershom Scholem und Theodor W. Adorno. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1966; Benjamin W. Berliner Chronik. Mit einem Nachwort herausgegeben von Gershom Scholem. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1970; Benjamin W. – Scholem G. Briefwechsel 1933-1940. Hrsg. Scholem G. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980; Benjamin W. «... Wie überall hin die Leute verstreut sind ...». Das Adressbuch des Exils 1933 — 1940. Leipzig: Koehler&Amelang GmbH, 2006;

³ Adorno G./ Benjamin W.: Briefwechsel. 1930 – 1940. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005; Arendt und Benjamin. Texte, Briefe, Dokumente. Frank-

да входят также воспоминания коллег и знакомых о нем и мемуары деятелей науки и культуры, относящиеся к межвоенному времени¹. Отдельной группой второй части являются материалы, связанные с авторами, чьи работы исследует Бенъямин², и

---

furt am Main: Suhrkamp, 2006; Scholem G. Tagebücher. Nebst Aufsätzen und Entwürfen bis 1923. 1. Halbband 1913 – 1917. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995; Scholem G. Tagebücher. Nebst Aufsätzen und Entwürfen bis 1923. 2. Halbband 1917 – 1923. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000; Декларация об основании Коллежа Социологии («Ацефал», № 3-4, июль 1937 г.)// Коллеж социологии. СПб.: Наука, 2004.

¹ Lacis A. Revolutionär im Beruf. München: Rogner & Bernhard, 1971; Selz J. Erinnerungen// Über Walter Benjamin. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1968; Selz J. Erinnerungen an Walter Benjamin auf Ibiza// «Was noch begraben lag». Zur Walter Benjamins Exil. Briefe und Dokumente. Hrsg. von Geret Luhr. Berlin: Bostelmann & Siebenhaar Verlag, 2000; Scholem G. Im Gespräch über Walter Benjamin (1968)// Sinn und Form. Beiträge zur Literatur. 2007. Heft 4; Scholem G. Von Berlin nach Jerusalem. Jugenderinnerungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994; Scholem G. Walter Benjamin – die Geschichte einer Freundschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1975. Альчук А. «Это бы очень украсило мою биографию»... Любовь и революция в судьбе Аси Лацис, Вальтера Бенъямина и Бернхарда Райха// Гендерные исследования. 2008. №17. С. 170—176; Райх Б. Вена — Берлин — Москва — Берлин. М., 1972; Бенн Г. Двойная жизнь (Главы из книги)// Иностранная литература. 2000. №2. (<http://www.magazines.russ.ru/inostran/2000/2/gbenn.html> дата обращения: 20.01.2013); Жид А. Страницы из дневника// www.lib.ru/INPROZ/ZHID/pages.txt (дата обращения: 20.01.2013).

² Бердяев Н.А. Философия неравенства (письма к недругам по социальной философии). Письмо пятое. О консерватизме// Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990. Цит. по: <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/05.html> (дата обращения: 20.01.2013); Бодлер Ш. Парижский сплин// Бодлер Ш. Проза поэта. М.: Вагриус, 2001; Бодлер Ш. Поэт современной жизни// Бодлер Ш. Проза поэта. М.: Вагриус, 2001; Мелер А. Фашистский стиль. URL: <http://www.nationalism.org/vvv/library/mohler-fascist-style.htm> (дата обращения: 20.01.2013); Третьяков С. Продолжение следует// Новый ЛЕФ. 1928. № 12. С. 3. Цит. по: www.ruthenia.ru/sovlit/j/3447.html (дата обращения: 20.01.2013); Третьяков С. Что нового// Новый ЛЕФ. 1928. № 9. С. 5. Цит. по: www.ruthenia.ru/sovlit/j/3408.html (дата обращения: 20.01.2013); Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Эпоха Ренес-

некоторые материалы, иллюстрирующие рецепцию его работ¹.

Положения, выносимые на защиту:

1) Процесс осмысления научного наследия Вальтера Беньямина во второй половине XX в. тесно связан с изменениями культурного, политического, социального плана, частью которых стал этот процесс. В первые послевоенные годы идеи Беньямина не привлекали западногерманское общество, которое решало проблемы, связанные с поражением в войне и преодолением нацизма. Однако в конце 1960-х – начале 1970-х гг. вопрос о политизации интеллектуалов, интеллигенции оказался одним из главных в общественных дискуссиях. Это соответствовало тезису о политизации интеллигенции, предлагаемому Беньямином, для которого политическая ангажированность означала критическое, практически ориентированное политическое сознание.

2) В конце 1960-х гг. в Западной Германии вместо стремления «взрослых» немцев забыть нацизм «как можно быстрее», и, не оглядываясь, идти вперед, молодые немцы выступили с призывом переосмыслить, что именно стало причиной прихода Гитлера к власти. Для страны, познавшей и военное, и моральное поражение, прогресс не мог быть определяющей идеей, поскольку, соглашаясь с мнением Беньямина, прогрессивный взгляд на историю – это взгляд победителей, спешащих и жаждущих утвердить собственные представления о прошлом, не принимая во внимание побежденных и их историю. Суждения

санса. М.: Республика, 1993; Шлегель Ф. Фрагменты// Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 1; Шмитт К. Политическая теология: Четыре главы к учению о суверенитете// Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000; Шмитт К. Понятие политического// Вопросы социологии. 1992. № 1. Цит. по: www.thepaganfront.com/brangolf/library/Schmitt2.rar (дата обращения: 20.01.2013); Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945). СПб: Владимир Даль, 2002; Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб.: Наука, 2000.

¹ Basisgruppe des Walter-Benjamin-Instituts. Schafft Germanistik ab!// 1968. Eine Enzyklopädie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004. SS. 431-438; Хабермас Ю. Первым почуять важное: Что отличает интеллектуала// Неприкосновенный запас. 2006. № 3. <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2.html> (дата обращения: 20.01.2013).

мыслителя были близки в начале 1970-х гг. идеологии «новых левых». Они симпатизировали интеллектуальному фланированию Бенямина. И этот интерес стал впоследствии основой более детального изучения его идей, которое в 1970-е – 1980-е гг. переживает процесс накапливания фактического материала.

3) Новейшая историография научного наследия Бенямина в 1990-е – 2000-е гг. разнообразна не только в подходах к общей оценке и изучению его идей, но и в рассмотрении отдельных аспектов его концепции различными сферами гуманитарного знания. Методология Бенямина становится особенно актуальной с появлением и ростом популярности постмодернизма и различных родственных ему направлений философской мысли, для которых мыслитель рассматривается как один из предтеч. Сегодня Бенямин видится, прежде всего, как критик, сторонник фрагментаризма и деконструкции в познании, что считается для него условием понимания бытия.

4) Инструментом критики в руках субъекта познания исследователи признают у Бенямина диалектический образ. Для каждого общества поиск диалектических образов оценивается как важнейший этап на пути обретения способности к самокритике. Среди исторических феноменов, к которым Бенямин применяет методологию диалектических образов, рассматриваются, прежде всего, парижские пассажи, ставшие предметом его незаконченного исследования по истории XIX в., которые признаются одним из понятий, введенных мыслителем в научный оборот.

5) Однако обширное представление о значимости понятия «диалектический образ» среди исторических идей Бенямина не позволяет заявить, что картина его исторической и культурологической концепции выглядит сегодня полной. Незаметен субъект познания и нерешен вопрос о влиянии субъекта познания на исследуемые им процессы. Интерес вызывает вопрос об историческом контексте его становления как ученого, о влиянии общественно-политической ситуации на представления мыслителя и в свою очередь восприятию его идей современниками. Такой круг проблем позволяет сказать об актуальности исследования субъекта познания в исторической концепции Бенямина.

б) Потребность в понимании разворачивавшихся в политике и культуре процессов в Веймарской Германии подтолкнула Бенямина к выбору модели интеллектуального фланёра. Интеллектуальный фланёр, по мнению Бенямина, выбрав критическую позицию, должен был в условиях борьбы за интересы пролетариата как проводника новых идей постоянно политизировать, «пролетаризировать» свои оценки в искусстве. Он противопоставлял такое поведение фланёра на стороне пролетариата эстетизации политики, которую выбирали и левые, и правые в Веймарской республике. Опыт наблюдения за положением интеллигенции во Франции и Советской России позволил Бенямину заявить непосредственным методом борьбы принцип «деструктивного характера», представленный для общественно-политического участия интеллигенции в его теоретических и методологических работах и найденный мыслителем в практической деятельности и в идеях А.Жида, С.Третьякова, и особенно Б.Брехта.

7) Ставшая основой общественно-политической деятельности концепция интеллектуального фланёра получила научное обоснование в исследованиях Бенямина по истории и культуре. В работе «Понятие художественной критики в немецком романтизме» мыслитель сделал вывод, что критический метод применим и для изучения социальной памяти. Во время фланирования по европейским городам «страсть к путешествиям» трансформировалась у него из психологической потребности в стратегию научного поиска, использовавшуюся не только в пространстве – во время поездок, но и во времени – при создании исторических работ путешественником, познающим прошлое. Главными героями этих работ стали города и то пространство, которое они создавали.

8) Житель большого города – фланёр – стал у Бенямина моделью для наблюдений и анализа, приобретшей целостность после знакомства с идеями Шарля Бодлера и непосредственно с Парижем, увиденным им и во время собственных путешествий, и в стихах поэта эпохи «высокого капитализма». Фланёр стал у Бенямина историческим материалистом, технологию научного поиска которого он представил в философской работе «О понятии истории».

9) Беньямин пришел к выводу, что господствовавший позитивистский взгляд на прошлое формировал ложное представление о свободном от политики научном подходе к истории. Это представление препятствовало познанию эпох прошлого, поскольку они рассматривались как менее развитые по сравнению с нынешней. Интеллектуальный фланёр должен не только учитывать актуальное положение предмета своего исследования, но и критически оценивать собственную ситуацию, не свободную от политических проблем и событий.

10) Одним из инструментов познания прошлого для интеллектуального фланёра у Беньямина стали диалектические образы, которые необходимо выявить при анализе исторических источников и затем расшифровать их значение. Еще не обратившие на себя внимание образы прошлого представлялись Беньямину снами, видениями в общественном сознании. Историческое познание выступало пробуждением. (Сно-)видения, ставшие в результате пробуждения общества диалектическими образами, освобождаются от мифических наслоений, присутствие которых в социальной памяти обусловлено стремлением господствующих социальных групп исказить прошлое в своих интересах.

11) Созданную систему познания истории и культуры Беньямин назвал «материалистическим историописанием», в котором «деструктивный характер» исследователя с помощью «деструкции» взламывает историческую непрерывность, с которой связан предмет познания. «Материалистическому историописанию» при этом способствует собирательство как метод, концентрирующий внимание на уникальности каждой вещи, обнаруживаемой «вырыванием из потока» и «деконструкцией». «Материалистическое историописание» Беньямина подразумевало особое критическое отношение исследователя как к собственным суждениям и оценкам, так и к оценкам действий объекта его изучения. Они имеют «материальную» основу и таким образом проявляют себя людям.

12) Свою исследовательскую модель Беньямин применил в изучении Ш.Бодлера. В основе «общественно-критического» взгляда на поэта – исследовательского подхода Беньямина к его изучению – лежит анализ диалектического образа отраженных в

литературных конструкциях Бодлера событий его личной жизни и исторических феноменов окружавшей его социальной реальности. Созданный Беньямином образ Бодлера является примером интеллектуального фланёра в рамках конкретной исторической ситуации и культурного контекста.

13) Проведенный анализ исторической концепции Беньямина раскрывает формирование под влиянием актуальных общественно-политических условий модели субъекта познания, принципы которой были сформулированы мыслителем при изучении прошлого, теоретическое обоснование которой было представлено в его социально-философских работах, а доказательство практической значимости которой было получено им при рассмотрении конкретных феноменов прошлого. Такой моделью стал интеллектуальный фланёр.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые проведено комплексное изучение интеллектуального развития личности в контексте европейского интеллектуального пространства межвоенного времени. Эта новизна конкретизируется в следующих положениях:

1) Выявлены основные направления историографии идейного наследия Вальтера Беньямина и показана зависимость ее развития от политических, культурных и экономических изменений в обществе во второй половине XX в.

2) Обоснована необходимость изучения исторической концепции Беньямина и вопросов, связанных с ее становлением и развитием.

3) Введен в научный оборот и рассмотрен широкий круг архивных материалов о научной деятельности и личной жизни Беньямина, до сих пор знакомых отечественному читателю отрывочно или в переводе с английского языка.

4) Выявлены основные черты и раскрыта сущность понятия «интеллектуальный фланёр», лежащего в основе исторической концепции Беньямина.

5) Сформулированы основные положения исторической концепции Беньямина и даны определения ее главным понятиям.

б) Обоснована методологическая значимость модели интеллектуального фланёра для изучения европейского интеллектуального пространства 1920-х – 1930-х гг.

7) Продемонстрирован процесс становления в 1920-е – 1930-е гг. исторической концепции Бенямина, которая нашла применение и в исследованиях ее автора, и в его позиции в общественно-политической и культурной жизни.

8) Создана основа дальнейшего изучения европейского интеллектуала в лице интеллектуального фланёра в последующие десятилетия XX в. и в контексте актуальных социальных, политических и культурных проблем XXI в.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов, лекционных курсов и учебных пособий по новейшей истории общества и культуры, историографии, философии и методологии истории, культурологии, истории интеллигенции, спецкурсов и спецсеминаров по историко-теоретической и культурологической проблематике.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история), а именно следующим областям исследования: п. 6. Новейшая история (XX – XX вв.), п. 10 Сравнительно-исторические исследования, п. 12. Социальная история. История социальных процессов, институтов, структур. Динамика исторической социальности. Социум и человек, п. 18. Человек в истории (весь комплекс культурно-антропологической проблематики, в том числе история ментальности, история повседневности и т.п.), п. 19. Личность в истории. Персоналии, п. 20. История общественной мысли. Интеллектуальная история.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационной работы докладывались и обсуждались на научных форумах: Международная российско-германская конференция «Послевоенная история Германии: российско-германские перспективы» (Москва, 2005), Международная российско-германская конференция историков «Основные черты и восприятие послевоенной истории» (Тютцинг, 2007), Биографические чтения памяти В.В. Иофе (Санкт-Петербург, 2007, 2008), Международная конференция Международная конференция «Шарль

Бодлер и Вальтер Беньямин: эстетика и политика» (Санкт-Петербург, 2008), Круглый стол «Понятие «историописание» и его границы» (Москва, 2009), Международная научно-теоретическая конференция НИИ интеллигентоведения при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» (Иваново, 2010–2012).

Все основные положения работы опубликованы в двух монографиях автора (8 п.л. и 9 п.л., соответственно) и в коллективной монографии (автора – 1,3 п.л.), а также в восьми научных статьях в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикаций основных результатов, полученных в диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора наук. Всего по теме диссертации опубликовано 39 научных работ общим объемом 36,2 п.л. (автора — 36,2).

Структура диссертации определяется логикой исследования и поставленными задачами. Она состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** дается обоснование актуальности темы исследования, определяются его объект и предмет, раскрывается содержание ключевых для характеристики научной и общественной деятельности Беньямина понятий «интеллектуал», «интеллигенция», формулируются цель и задачи исследования, обозначаются его методология и методы, географические и хронологические рамки, дается характеристика источниковой базы исследования, его новизны и практической значимости, указываются положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации – *«Историческая концепция и проблема интеллектуального фланёра в историографии идейного наследия Вальтера Беньямина»* – посвящена рассмотрению особенностей изучения идейного наследия мыслителя в историографии новейшего времени, социальной истории и общественной мысли второй половины XX в. Выделение параграфов обусловлено необходимостью рассмотрения характерных черт и периодизации историографии идейного наследия Беньямина, раскрытия социально-исторических причин изменений в подхо-

дах к анализу его идей, определения места среди ее вопросов проблем, связанных с историческими идеями мыслителя, и прежде всего с анализом модели интеллектуального фланёра. В **первом параграфе** – *«Основные черты и общие направления историографии идейного наследия Вальтера Беньямина»* – рассматривается общая картина процесса изучения идейного наследия мыслителя, отмеченная постепенным формированием интереса к его работам в первые послевоенные годы и переломным моментом в конце 1960-х гг., что можно объяснить ростом интереса молодых немцев к новейшей истории и их противостоянием господствовавшему в 1950-х гг. стремлению старшего поколения забыть нацистское прошлое. Возникновение интереса к идеям Беньямина привело в 1970-е – 1980-е гг. к обширным публикациям его работ, создавшим фундамент для широкой исследовательской практики в 1990-х – 2000-е гг. Интерес к идеям Беньямина не замыкался на вопросах философии. Различные вопросы идейного наследия мыслителя рассматриваются сегодня в мире исследователями, объединенными в Международную ассоциацию по изучению Беньямина, которая проводит конференции и конгрессы, публикует их материалы.

Во **втором параграфе** – *«Историография исторических взглядов Вальтера Беньямина как отражение перемен в западном интеллектуальном пространстве во второй половине XX в.»* – дается характеристика процессу становления проблематики исторических идей в историографии Беньямина в первые послевоенные годы и на протяжении 1970-х – 1980-х гг., когда происходил сбор и публикация основного массива источников, связанных с мыслителем. Обращается внимание, что рост интереса к историческим идеям Беньямина происходил в тесной связи с расширением проблем исследований его коллег по Франкфуртской школе социальных исследований, прежде всего Т.Адорно. Они указывают на обусловленность исторических идей Беньямина характерными особенностями межвоенного времени – интеллектуальными, политическими, культурными, экономическими. В историографии в 1950-е – 1960-е гг. появляются первые интерпретации исторической концепции Беньямина, а также понятий, которыми он оперировал, такими как «исторический материализм», «(сно-)видение», «фланёр», привлекает внимание

понимание Беньямином субъекта исторического познания. В 1970-е гг. проблема субъекта познания в его исторической концепции становится одной из ведущих в историографии. Ее решение было найдено в модели «пролетаризированного интеллектуала», суть которой не в том, что интеллектуал стоит на стороне пролетария, а в том, что он занимает активную политическую, «пролетаризированную» позицию. Такую модель пролетаризации исследователи обнаружили в исторической концепции Беньямина вообще и в его понимании субъекта познания прошлого в частности. Подтверждение ей было найдено при изучении его важнейшей работы «О понятии истории». Достигнутый к началу 1990-х гг. уровень изучения исторической концепции Беньямина был продемонстрирован на Международном конгрессе изучения Беньямина в 1992 г. Был обозначен интерес к таким понятиям его исторической концепции, как «диалектика в состоянии покоя», «диалектический образ», получило развернутое толкование понятие «(сно-)видение». Исследования находили подтверждение не только в историко-философских законченных работах мыслителя, но и в архивных материалах его незаконченных конкретно-исторических работ, например о парижских пассажах, что отражало общее признание авторами проблематики исторической концепции.

Третий параграф – *«Направления изучения исторической концепции и проблема интеллектуального фланёра в современной историографии идейного наследия Вальтера Беньямина»* – демонстрирует структурирование дальнейшего изучения основных проблем исторической концепции мыслителя в 1990-е – 2000-е гг. В центре внимания находится субъект познания, которого Н.Больш определяет «историческим материалистом», ставший «толкователем (сно-)видений». Прообразом исторического материалиста представляется Бодлер. «Толкование (сно-)видений» возникает в момент пробуждения и обнаруживает себя в «диалектических образах», возникающих в ходе освобождения оценки прошлого от мифологических наслоений, навязанных господствующим классом. Этот процесс представляется исследователям коллективным историческим опытом. Они видят его возможным в определенных политических условиях,

отмеченных высокой кризисностью и ростом критики к прошлому.

Н.Больц и В.ванн Рейен представляют Беньямина в качестве «толкователя политических (сно-)видений истории». И.Вольфарт видит историка в концепции Беньямина как мусорщика, который при всей отрицательности как «фигура совершенного негатива» «все же воплощает тайное обещание всеохватывающего позитива». Для С.Бак-Морсс и Г.Гиллоха субъектом познания у мыслителя является фланёр. В центре внимания находится как то, где разворачивалась деятельность фланёра, так и то, каким способом осмысливал фланёр возникающую реальность. Образное мышление признается З.Вайгель в качестве черты фланёра. Отсюда интерес исследователей к образам городов у Беньямина.

Видимая парадоксальность понятия «диалектический образ» и его тесная взаимосвязь с понятием «диалектики в состоянии покоя» не мешают исследователям заявлять о его концептуальной обоснованности у мыслителя. Материалистический базис для этого аналитики видят в представлении Беньямина об «активно фиксирующем моменте познания», когда «основанный на актуальности процесс пробуждения», подталкивает историка к интерпретации (сно-)видений и формулированию диалектических образов. Именно в городах исследователи видят у мыслителя «диалектические образы» и вслед за Ю.Хабермасом признают их категорией методологии истории. При этом история не может быть всегда актуальна, делает вывод А.Хиллах в ходе раскрытия понятия «диалектический образ» у Беньямина. Она становится таковой под влиянием политики.

Историческую концепцию Беньямина современные исследователи связывают с понятием «деструкция», которая создается «деструктивным характером», формирующим основу субъекта познания. Д.Андерсон полагает, что деструктивный характер мотивирует не его внутренний характер, но «осознание характера истории», «усваивание в себе исторического опыта».

Недостатком анализа методологии исторических и культурологических исследований Беньямина является слабое внимание к историческому, культурному, политическому, социальному, экономическому контексту, в котором мыслитель созда-

вал свои работы. Потому системно цельная модель, которой Беньямин предлагал руководствоваться и в общественно-политической сфере и в науке до сих пор не нашла отражение в изучении его жизни и деятельности.

Вторая глава – *«Вальтер Беньямин в европейском историческом и культурном пространстве 1920-х – 1930-х гг.»* – посвящена рассмотрению процесса становления мыслителя как интеллектуального фланёра в условиях межвоенного времени и с учетом особенностей культурного, политического, социального, экономического контекста положения интеллигенции в разных европейских странах, таких как Веймарская Германия, Франция, Советская Россия. При этом Беньямин не разделял сущностно интеллигенцию и интеллектуалов и представлял интеллектуальное пространство Европы цельным и разнообразным, мало обусловленным национальностью его представителей.

В первом параграфе – *«Формирование интеллектуального фланёра в контексте межкультурной коммуникации межвоенного времени»* – реконструируется молодость и начальный период научной и общественно-политической деятельности Беньямина, а также влияние на его мышление наблюдений, почерпнутых из знакомства с интеллигенцией Франции и Советской России в 1920-е – 1930-е гг. Изучение Беньямином различных явлений европейской интеллектуальной жизни и его острое желание проявить себя в них свидетельствовало о диалектическом переплетении в его научной деятельности и философских идеях характерных для этого времени тенденций интеллектуального развития – нередко боровшихся друг с другом, а зачастую успешно уживавшихся. Сформированная Беньямином для научной и общественно-политической деятельности модель интеллектуального фланёра была результатом воздействия системы межкультурной коммуникации межвоенного времени, в которой оказался мыслитель как типичный представитель европейского интеллектуального пространства. Эта модель представляет собой уникальный пример преодоления противоречий и недостатков, а также оперирования достоинствами и преимуществами данного исторического контекста.

В период формирования модели особое внимание у Беньямина вызывало развитие дискуссий и тенденций в интеллектуальных кругах тех европейских стран, где политические, общественные и экономические процессы протекали наиболее напряженно. Кроме родной для него Веймарской Германии это можно было сказать о Советской России и Франции. При этом Советская Россия, которую Беньямин посетил в 1926-1927 гг., была интересна тем, что сюда он ехал в поисках «нового мира», а, следовательно, новых отношений интеллигенции с обществом и государством. Во Франции, которую он посещал часто в 1920-е гг. и где жил в эмиграции, его привлекало стремление интеллигенции отстраниться от актуальных процессов, которые неизбежно поворачивали ее к политике.

В первые десятилетия после революции именно в контексте создания «нового мира» оценивались и прошлое, и настоящее, и будущее России. Однако симпатии Беньямина к марксизму и другим левым идеям не стали препятствием на пути к более масштабному восприятию нашей страны: наблюдению, изучению и анализу происходившего в ее истории, политике, культуре и социальной жизни. Этот взгляд нашел отражение в литературной критике и в заметках об общественной и повседневной жизни, собранных в «Московском дневнике». Беньямин выявил важную особенность во взаимосвязи между политикой и искусством в России и представил творчество русских писателей как пространство для демонстрации ими своих общественных и политических взглядов, а самих писателей во главе продвижения этих идей в России. Это было характерно и для других сфер искусства в нашей стране.

Однако начав движение с позиции западного интеллектуала, симпатизировавшего большевистской идеологии и стремившегося найти в советской действительности воплощение революционных марксистских идей, Беньямин во время поездки в Москву и знакомства со страной нашел иной, отнюдь не «новый» мир, а вполне традиционный, по его мнению, реставрационный режим, самодовольный и высокомерный, популяризовавший буржуазные культурные ценности в искаженном виде эпохи империализма. Популярный в народе поэт Есенин символизировал этот поворот, продолжая традиции почвенничества,

хотя и в упрощенном, близком массам варианте. Такой вариант русского консерватизма, в отличие от консерватизма Достоевского или Лескова, не задумывался о движении вперед. Кроме того, советский режим опасался проявлений критики и регламентировал ее внутри страны, как и стремление к новым знаниям у населения. Революционный настрой интеллигенции пресекался.

В размышлениях на эту тему Беньямин затронул особую проблему самовосприятия России и ее жителей. По его мнению, отсутствие широкого горизонта для самооценки не позволяло советским людям взглянуть на себя критично. Поэтому жизнь в Советской России – повседневная и официальная – была наполнена стереотипами, необходимыми режиму для подчеркивания своих достижений в разных сферах общества от экономики до театра и кино. При этом интеллигенция выступала в создании этих искаженных образов не столько в качестве объекта, сколько в качестве субъекта или инструмента, с помощью которого фальшивые представления о загранице овладевали сознанием масс.

Тем не менее, в конце 1920-х гг. Беньямин настаивал на изучении опыта Советской России. Особо он призывал обратить внимание на активного представителя левого крыла советской интеллигенции, участника ЛЕФа, С.Третьякова как носителя типа «оперирующего писателя». Именно Третьяков стал примером интеллектуала для Б.Брехта, которого Беньямин выделил в качестве носителя «деструктивного характера» в среде немецких интеллектуалов. Их влияние в творческом плане было взаимно, что проявилось, например, во внимании к технике монтажа: Брехт внес ее в театр через зонги, Третьяков — в фотоискусство через макетированную фотографию. И потому для Беньямина интерес в рамках доклада «Автор как производитель» в 1934 г. к таким ярким личностям, как Третьяков и Брехт, был не случаен.

Не менее противоречивые процессы взаимодействия интеллигенции и пролетариата Беньямин видел в межвоенное время во Франции. Выбравший стратегию интеллектуального фланёра Беньямин искал здесь также обоснование своих действий. Промежуточный итог этих изысканий был подведен Беньями-

ном в эссе «Сюрреализм», представленном в 1929 г. как «последний моментальный снимок европейской интеллигенции», но во многом обращенном именно к французскому интеллектуальному контексту, и в статье «О современном общественном положении французского писателя», опубликованной в 1934 г. Мыслитель констатировал, что кризис французской интеллигенции продолжается два десятилетия – с начала I мировой войны. Если при анализе социально-политических процессов в Германии, что будет показано ниже, Беньямин особенно остро критиковал создававшую настроение «меланхолии» необходимость политических партий и движений и правого, и левого толка, отказ учитывать последствия своего влияния на социальные группы, интересы которых они предполагали защищать, а интеллектуальный контекст Советской России поразил мыслителя бескомпромиссностью большевистской идеологии при явных контрреволюционных тенденциях в общественной жизни, во Франции он обратил внимание на нечто новое. Во французском интеллектуальном контексте его критику вызвал конформизм, проявлявший себя в стремлении защищать «высшие ценности», причем часто сочетавшийся и вовсе с аполитичностью и отсутствием активности по отношению к происходившему в обществе. Беньямин увидел во Франции желание интеллектуалов обособиться от развернувшихся в Европе процессов, вооружившись лозунгами о своей особой миссии. На этом фоне лишь сюрреализм представлялся ему «миром всесторонней и интегральной актуальности».

Конформизм французских интеллектуалов в межвоенное время возник из страха перед революцией, и буржуазия, по мысли Беньямина, использовала этот страх, представляя свои интересы как общечеловеческие ценности и предлагая интеллигенции встать на их защиту, хотя и не являясь уже революционным классом. Если же часть французской интеллигенции была не согласна с этим и «пыталась достичь иллюзорной цели встать над классами», то, по мысли Беньямина, она добивалась лишь «свободы люмпен-пролетариата». Настоящей свободы можно было добиться лишь в борьбе за революционные ценности пролетариата. В свою очередь, идея обособленности положения интеллигенции от политических дискуссий в качестве носителя

«общечеловеческих ценностей» представлялась Беньямину опасной на фоне радикализации идеологической борьбы. Пагубность радикализации он мог наблюдать и на примере Германии, и на примере Советской России. А неспособность европейской интеллигенции воспрепятствовать утверждению в этих странах режимов, подавлявших свободы, а впоследствии открыто уничтожавших несогласных, утвердила Беньямина в том, что в лучшем случае об интеллигенции в этих странах могли просто забыть. Поэтому для интеллектуального фланёра невнимание к политическим вопросам означало утрату адекватности в оценке социальных процессов.

Отдельное внимание Беньямина привлек Андре Жид, с которым он познакомился в январе 1928 г. В некоторой степени именно отношение к Жиду и поддерживаемым им идеям служило для Беньямина мерилом для определения политической принадлежности писателей и литературных критиков. Однако в конце 1936 г. Жид своим пристрастием к крайностям внес сумятицу и во взгляды Беньямина об СССР. В этом году он опубликовал книгу «Возвращение из СССР» («Retour de l'URSS»), где остро критиковал «новый мир», указывал на отсутствие свободы мысли в литературе и общественной жизни, формирование своеобразного типа нового советского человека.

Пауза в отношении к этой книге, возникшая у Беньямина после ее выхода, отразила важный момент в становлении понимания у самого мыслителя модели интеллектуального фланёра. Если до этого Беньямин утверждал, что необходимо критически оценивать разворачивавшиеся процессы, не поддаваясь влиянию – мягкому или жесткому – со стороны как государства, так и отдельных социальных групп, то теперь проявилось еще одно важное качество интеллектуального фланёра. Учитывая изменчивость социальной реальности – исторической, культурной, политической, экономической, интеллектуальный фланёр не может ограничивать себя лишь одним набором представлений в освоении мира. Он должен, как сам призывает к этому общество, разрушать собственные стереотипы даже в ущерб репутации критика, не отказывающегося от собственного мнения и отстаивающего однажды выраженное суждение. Интеллектуальному фланёру, как это показал Беньямину Жид, нужно быть готовым

пойти не только на конфликт с противниками, но и со сторонниками и даже с самой собой.

Во втором параграфе – *«Влияние внутрикультурного контекста на становление интеллектуального фланёра: мода на кризис в Веймарской Германии»* – анализируется ситуация в Германии 1920-х – 1930-х гг., связанная с поиском интеллигенцией, интеллектуалами своего места в менявшемся под влиянием революционных перемен мире. Суждения Бенямина о развитии этой ситуации обладают особой ценностью, поскольку он был и наблюдателем схожих процессов в других европейских странах, и участником этих процессов у себя на родине. Поэтому социально-политические процессы, развивавшиеся здесь, создавали внутренние условия для формирования интеллектуального фланёра.

Бенямин являлся представителем одной из групп левых немецких интеллектуалов, стоял у истоков крупнейшего направления в мировой философской мысли XX в. – Франкфуртской школы социальных исследований. В своих работах он активно использовал марксистскую терминологию, наполняя при этом заимствованные из классического марксизма понятия другим смыслом, отражавшим его собственный опыт изучения процессов человеческой жизни. Как представителя Франкфуртской школы Бенямина можно отнести к неомарксизму, но он был старше коллег – Т.Адорно, М.Хоркхаймера, Г.Маркузе, и по ряду вопросов, привлекавших их внимание, он первым предложил решение. Именно Бенямин отметил в методологии Франкфуртской школы появление «критической теории общества». В свою очередь, критический анализ левых философско-политических концепций дал Бенямину возможность структурировать свои мысли. При этом Бенямина наряду с идейным содержанием левых политических концепций и научных методологий интересовала их социальная поддержка и направленность.

Независимая позиция Бенямина первых лет Веймарской республики постепенно становилась невозможной на рубеже 1920-х – 1930-х гг. в условиях обострения политической борьбы в Германии. Осознание пагубности развивавшихся процессов отходило в среде левой интеллигенции на второй план перед стремлением участвовать в политической борьбе. Для самого

Беньямина широкий интерес к общественной жизни все более приобретал характер открытой политической экспертизы. Интеллектуальное фланирование нуждалось в острой политической полемике, поскольку многое вокруг противоречило самой сути свободной критики. Основываясь на критической позиции к происходившему в Европе, он надеялся объединить близких себе интеллектуалов вокруг задуманного в 1930 г. вместе с Брехтом журнала «Krisis und Kritik».

В период наступления нацизма в Германии Беньямин изменил свой взгляд на проблему политизации творческой и научной деятельности. Сопrotивляясь нацистской риторике, он отправился в эмиграцию. Это означало, что он сделал для себя выбор и ограничил пределы своего интеллектуального и географического пространства. Вопросы политизации в условиях физических, творческих и интеллектуальных репрессий приобрели для него чрезвычайно важный характер. Критикуя ситуацию давления, мыслитель шел дальше и предлагал свой путь для его преодоления. Нейтралитет был теперь невозможен.

Показательным для переосмысления Беньямином взглядов на проблему политизации и отношения к развитию левых идей в Германии накануне прихода нацистов к власти стал подготовленный им в 1934 г. текст доклада «Автор как производитель». В этом докладе он во многом основывался на марксистской теории осмысления места писателя, а также в целом «людей духовного и умственного труда», интеллигенции.

В отличие от советских писателей, по мнению Беньямина, в Германии писатели левого толка не осознавали задачи классовой борьбы и ошибочно представляли направление движения к социализму. Эти заблуждения, по его мнению, отражали популярныe в Германии в 1920-х гг. левые течения в искусстве «новая вещественность», активизм, экспрессионизм. Беньямин отвергал характерное для них восприятие негативных сторон жизни в качестве предмета потребления, поскольку в результате этого, считал он, исчезает возможность политической борьбы с общественными и экономическими пороками.

Четко сформулировать свои представления о задачах интеллектуала в условиях политической и социальной борьбы на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Беньямину помогли не только поле-

мика с представителями левой интеллигенции, но и знакомства с правыми политическими идеями Германии, работами К. Шмитта, Э. Юнгера, Г. Бенна. При этом если к политико-философским произведениям Шмитта Беньямин обратился в рамках художественной критики, то предметом полемики с Юнгером у Беньямина стала эстетизация политики.

При подготовке диссертации «Происхождение немецкой барочной драмы» Беньямина привлекли размышления Шмитта о суверенитете, качестве, составляющем основу философского понимания государства. Непосредственно в тексте диссертации Беньямин отталкивался от положения, что «суверен представляет историю». Раскрывая это понимание, Беньямин как раз и обратился к представлению Шмитта о суверене в его «Политической теологии», вышедшей в 1922 г. В отличие от Шмитта Беньямин выдвигал на первый план в характеристике суверена не его способность принимать решение о чрезвычайном положении, а обладание сувереном функцией решать. Причем для мыслителя эта функция была персонифицирована и связана с сувереном. Она всегда существует раньше чрезвычайного положения, которое может и не возникнуть.

В 1930-е гг. в своей критике национал-социализма Беньямин никак не осуждал Шмитта. Он не видел философа участником политической, общественной и научной жизни гитлеровской Германии. При этом в 1930 г., когда Беньямин с удовлетворением заявлял, что он хорошо знаком с работами Шмитта и обращается к ним, лишь начинало формироваться его отношение к другому представителю правой политической мысли Юнгеру. Рецензия «Теории немецкого фашизма» на сборник статей «Война и воин» стала у Беньямина наиболее обширным комментарием взглядов Юнгера. Столь негативное название рецензии прямо говорит о неприятии им концепций Юнгера и его авторов.

В отличие от воина Юнгера фланёр Беньямина был независим, не находился на содержании у капиталистов и не ожидал призыва к войне, чтобы начать действовать. У интеллектуально-го фланёра в основе действий и собственных оценок лежала свобода; она в свою очередь базировалась на собственном понимании материального базиса, а не отражала чужое понимание.

В условиях обострения противостояния с фашизмом интеллектуальный фланёр должен был бороться на стороне пролетариата за обретение и сохранение такой материальной основы, собственности на орудия производства.

Анализ правой философской мысли в Германии в межвоенный период не ограничился у Бенямина работами Шмитта и Юнгера. Особый интерес в связи с этим представляет внимание Бенямина к идеям поэта-экспрессиониста Бенна, жизнь и деятельность которого стали символическими для целого слоя немецких интеллектуалов. Его идеи Бенямин назвал «врачебным нигилизмом», объединив их с взглядами психотерапевта К.Г.Юнга и писателя Л.Ф.Селина, которые в начале 1930-х гг. также активно высказывали симпатию к предлагаемой нацистами модели общества и отношений между человеком и государством. Определение, предложенное Бенямином для понимания идей этих трех авторов, содержало в известной мере игру слов. Бенн и Селин, врачи по образованию, выражали свои «врачебные» (немецкое «ärztliche») взгляды именно в сфере искусства (французское «l'art»), но по-особому воспринимали мир человека, обращаясь к клиническим образам и отражая в своих произведениях понимание, характерное для медицинской практики. Юнг предлагал в психотерапевтической практике для понимания глубинных основ сознания человека в качестве одного из путей движение через сферу искусства. Именно эстетизацию политики Бенямин критиковал у этих трех представителей правой идеологии.

Если в плане научной методологии Бенямин придерживался «критической теории общества», то в сфере искусства ярким примером произведений, обращенных к думающему субъекту, были для него театральные и теоретические работы Брехта. По сути, и доклад «Автор как производитель» стал продолжением его размышлений о театральном опыте режиссера, начатых в 1931 г. в неопубликованном исследовании «Что такое эпический театр?». Эпический театр Брехта был для Бенямина пространством формирования думающего субъекта, варианта интеллектуального фланёра. Он нес политическое содержание и по форме соответствовал современному состоянию коммуникаций в обществе, используя метод прерывания действия напо-

добие монтажа, применявшегося в кино и радио, а теперь на театральной сцене. Такой метод усиливал мышление и ослаблял действие, направленное на возбуждение чувств.

Интеллектуал должен был выступать политически ангажированным субъектом с формальной, но не содержательной точки зрения. И главный принцип субъекта, на котором базировался Беньямин при формулировании концепции интеллектуала, был принцип путешественника, фланёра в пространстве и во времени, занявший важное место и в его исторической концепции. На этом принципе Беньямин основывал свою исследовательскую и общественную деятельность. Такая модель поведения явно выделялась на фоне напряженной политической и социальной жизни Европы 1920-х – 1930-х гг., воздействовавшей и на интеллектуалов, подобных Беньямину. Тогда в различных странах и на континенте в целом возникали все новые барьеры и границы (географические, социально-политические, экономические и культурные) и ступенью к самоутверждению считался не слом этих препятствий, а их строительство.

Беньямин был вовлечен в политические процессы, но в качестве критика он был нацелен на постоянные разрушения устоявшихся идеологических парадигм. Беньямин являлся тем «деструктивным характером», который он описал в 1931 г. в одном из очерков серии «Мыслительные образы». Истоки идеи «деструктивного характера» у Беньямина можно обнаружить, наряду с хрестоматийным примером работ М. Хайдеггера, также в одной из работ Х. Арндт. Однако у Хайдеггера понятие деструкции затрагивает сферу онтологии. У Беньямина же идея «деструктивного характера» касается проблемы гносеологии, познания и даже конкретно субъекта познания. Поэтому знакомство с работой Арндт могло сильнее повлиять на формирование понятия «деструктивного характера» у Беньямина

«Деструктивный характер» интеллигенции, по мнению мыслителя, проявляет себя в политической жизни общества именно благодаря политизации ее деятельности. Для самого Беньямина в последние годы Веймарской республики «политизированный характер» критического осмысления происходящего был чрезвычайно показателен. Это было одной из важнейших черт модели интеллектуального фланёра, участвовавшего в дис-

куссиях вокруг актуальных событий и процессов без каких-либо партийных ограничений. Пример «деструктивного характера» интеллигенции, политизации интеллектуала, Бенъямин нашел в лице Брехта, своего друга, но и постоянного оппонента по многим общетеоретическим и конкретным политическим вопросам, писателя, с которым он дискутировал во время поездок в Данию, где тот жил в эмиграции в 1930-е гг. Однако получившая в «деструктивном характере» признание в качестве принципа общественно-политической деятельности концепция интеллектуального фланёра требовала научного обоснования в исследованиях истории и культуры.

Третья глава – *«Теория и практика научного поиска Вальтера Бенъямина: особенности формирования и методология концепции истории и культуры, субъект и модель познания»* – представляет анализ теоретических основ исторической концепции Бенъямина и практики их применения в решении конкретных исследовательских задач в его работах. В **первом параграфе** – *«Проблема художественной критики в ранних работах Бенъямина и ее влияние на формирование модели интеллектуального фланёра»* – реконструируется начальный этап становления исторической концепции мыслителя, связанный с его работами по теории и истории искусства: диссертацией «Понятие художественной критики в немецком романтизме», отклоненной диссертацией «Происхождение немецкой барочной драмы», вышедшей потом отдельной книгой, и литературоведческим эссе ««Избирательное сродство» Гёте». Отдельные аспекты методологии, проанализированные в них, были впоследствии применены в работах Бенъямина по другим проблемам и в рамках других гуманитарных наук.

Одним из таких элементов его методологии стал критический метод. Учитывая особую значимость критики – в различных ее проявлениях: литературной, художественной, исторической, политической – для научной деятельности Бенъямина, большой интерес представляет начальный этап формирования представлений мыслителя о ней, результаты которого нашли отражение в диссертации «Понятие художественной критики в немецком романтизме», посвященной прежде всего идеям Фр. Шлегеля. В этой работе критика фигурирует в качестве объ-

екта исследования. Однако критический метод Беньямин намеревался применять не только в художественной критике и определял свою диссертацию уже как «философское проблемно-историческое» исследование.

Мыслитель утверждал, что «слова «критика» и «критический» в сочинениях ранних романтиков могут быть самыми часто употребляемыми», и был уверен, что у ранних романтиков «критика включает познание своего предмета». С их точки зрения, считал Беньямин, критика продолжается независимо от перемены конкретных авторов тех или иных критических высказываний, ни одно из которых нельзя считать окончательным суждением о существе явления. Мыслитель отмечал, что «это критическое поведение никогда не может войти в конфликт с изначальным, чисто интуитивным восприятием произведения искусства, поскольку является как собственно усилением воздействия произведения, так и усилением восприятия его воздействия». Критики и их высказывания самодостаточны сами по себе, но они не могут охватить критику вообще.

Беньямин указывал, что критик в представлении ранних романтиков менее всего должен быть заинтересован в передаче собственных представлений о произведении. Для романтиков «критика была... регулятивом всей субъективности, случайности и произвола в возникающем произведении». Рассмотрение критического метода романтиков, его принятие и актуализация логично предопределили поиск субъекта познания истории и культуры, который мог взять на вооружение это метод. Поэтому следующим этапом движения Беньямина по пути выработки модели критического познания истории и культуры было решение вопроса о субъекте познания, которым и стал интеллектуальный фланёр.

Второй параграф – *«Роль интеллектуального фланёра как субъекта познания в исторической концепции Беньямина: историк в своем путешествии к пробуждению»* – посвящен раскрытию существа интеллектуального фланёра как субъекта познания в исторической концепции Беньямина. С этой целью анализируются его тексты, объединенные не столько проблемой, сколько названиями, содержащими имена городов Европы. Путешествия и наблюдения во время странствий по этим горо-

дам стали для него важным инструментом решения исследовательских задач: он собирал материалы для работы, а впечатления, даже в письмах, окаймлял аналитическими комментариями. Мотивом для посещения городов и путешествий в целом был конкретный научный интерес.

Вместо границ между странами как барьеров для познания окружающего мира и знакомства с новым Беньямин выбирал города. Они стали для него опорными пунктами в пространстве и времени. На их улицах и площадях можно было встретить свидетельства разных эпох и наблюдать за современной жизнью представителей разных народов, социальных статусов, политических взглядов. Вглядываясь в города, Беньямин занимал позицию фланёра, ценившего уникальность разнообразных фактов, но при этом критически осмысливавшего увиденное и не исключавшего негативные моменты реальности из создаваемого цельного образа. Для самого Беньямина процесс формирования такой позиции для наблюдения, описания и анализа увиденного в путешествиях был серьезным испытанием и охватил период середины 1920-х – середины 1930-х гг., когда личные материальные средства и политические условия на континенте позволяли перемещаться по странам в соответствии с собственными интересами. Каждый из созданных им городских образов вносил дополнительный штрих в формирующуюся модель субъекта познания.

Беньямин был путешественником во всем: в личной жизни, отсюда неопределенность и неустойчивость его семейных отношений; в науке, отсюда интерес к проблемам из разных областей знания; в выборе профессии, отсюда опыт деятельности ученым, писателем, журналистом, публицистом, поэтом, переводчиком. Отношение Беньямина к собственной жизни и деятельности как к путешествию убеждает в том, что человек, став путешественником, не мог им оставаться лишь частично. Планировать и наблюдать он должен был постоянно. «Фанатичная страсть к путешествиям» охватывала всю его личность.

Именно житель большого города – фланёр – стал у Беньямина моделью для наблюдений и анализа, приобретшей целостность после знакомства с идеями Бодлера и непосредственно с Парижем, увиденным им во время собственных путешествий и в

стихах поэта. Однако у Бодлера это был скорее эстетический тип, характерный для времени, когда он жил. Беньямину же фланёр был интересен как социальный тип. Фланёр у Беньямина – это житель крупного города середины XIX в., когда, как он подчеркивал, «тип фланёра создал Париж».

Мыслитель не только успешно описывал образ фланёра на фоне крупного города, но также использовал его черты уже в собственных путешествиях по Европе в начале XX в. Разнообразные характерные для той или иной местности образы мыслей и поведения, политические и социальные структуры, особенности быта и государственной жизни он выделял, наблюдал и изучал в исторической перспективе именно как фланёр. При этом описывая города начала XX в., Беньямин применял методiku, аналогичную той, которую он использовал при работе с историческим материалом города XIX в., Парижа или Берлина. Поэтому Москва 1920-х гг., в которой он хотел увидеть столицу «нового мира», оказалась городом XIX в. Здесь фланёр чувствовал себя комфортнее всего.

Беньямин ощущал большую близость с фланёром. А потому, описывая его – сначала словами Бодлера, затем формулируя собственные мысли на этот счет – Беньямин начинает заимствовать обнаруженные у фланёра черты поведения и изучения окружающего мира. В своих работах о европейских городах он вновь и вновь возвращается к технике фланёра. По сути, фланёр становится у него прообразом исторического материалиста, технологию научного поиска которого он представил в работе «О понятии истории». По его мнению, изжившее себя позитивистское представление об историческом прогрессе должно было быть исключено из инструментария исторического материалиста. Оно препятствовало познанию прежних эпох, поскольку они рассматривались в позитивизме как менее развитые по сравнению с нынешней, и не позволяло оценить возможности их влияния на современность, так как подразумевало, что, вступив в новую эпоху, человечество покидало минувшие безвозвратно.

В качестве одного из инструментов познания истории и культуры Беньямин предложил диалектический образ. Эпохи раскрывались историческому материалисту именно в диалектических образах. При анализе исторических источников и куль-

турных свидетельств необходимо было выявить эти образы и расшифровать их значение. Диалектичность подразумевала неоднозначность исторических и культурных эпох и диалектические образы были механизмами для понимания прошлого. При этом Беньямин утверждал, что их можно обнаружить в самых разных сферах общественной жизни: от политики до искусства.

Еще не обратившие на себя внимание образы истории и культуры Беньямин считал снами, видениями в общественном сознании. Познание представлялось мыслителю пробуждением, понимавшимся «как ступенчатый процесс, который проходит в жизни отдельного человека так же, как и поколения. Сон – его первичная стадия. Опыт юности каждого поколения имеет много общего с опытом (сно-)видений. Их исторический облик – это облик (сно-)видения». Свою модель изучения истории парижских пассажей Беньямин называл «опытом техники пробуждения». Исследователь, актуализируя те или иные стороны истории и культуры и критикуя общую линию исторического и культурного развития, создает условия для пробуждения. Внимание к мифическому, желание понять его становится одной из сторон исторического познания. Чтобы общество приступило к познанию истории и культуры прежде, чем начать постижение мира, необходимо его желание пробудиться, иначе говоря, освободиться от (сно-)видений, с которыми вырастает каждое поколение.

Видения, ставшие в результате пробуждения общества диалектическими образами, раскрывшие свои пред- и послеистории, освобождаются от мифических наслоений, присутствие которых в социальной памяти обусловлено стремлением господствующих социальных групп исказить образы истории и культуры в собственных интересах. Беньямин указывал тем самым, что кроме мастерства исследователя, и общества в целом, которое познает свое прошлое, необходима значительная доля мужества, чтобы «пережить минувшее в воспоминании о (сно-)видении». Анализируя интерес общества к определенному событию прошлого, многое можно сказать об этом обществе.

В третьем параграфе – *«Материалистическое историописание» как система научного поиска интеллектуального фланёра в концепции Беньямина и ее методологическое своеобра-*

зие: основные элементы, понятия и принципы» – рассматривается методология материалистического историописания (*materi-alistische Geschichtsschreibung*), которую Беньямин дал в руки интеллектуального фланёра и системно широко использовал и полно охарактеризовал в своей незаконченной работе о парижских пассажах XIX в.

Существовавший на протяжении всей истории человечества механизм социальной памяти Беньямин считал несправедливым к значительной части прошлого, которая чаще всего замалчивается. Используя его, человек повторял одни и те же действия: разрушал созданное ранее и возводил на этом месте новое, помня лишь о руинах, но не о том, что стояло на этом месте. По мнению Беньямина, такой механизм социальной памяти свойственен именно историзму. Его недостаток и даже пагубность мыслитель видел в том, что представления о прошлом и будущем, предлагаемые социальными классами, оттесненными на обочину общественной жизни или же потерпевшими поражение в борьбе за право определять ход истории, в расчет не принимались. То, что прежде он рассматривал на примере традиционной парадигмы истории искусства, Беньямин распространял теперь на всю социальную историю. По его мнению, историзм не видел в культурных достояниях «не только старания великих гениев, создавших их, но и безымянный подневольный труд их современников» и лишь «устанавливал причинную связь между различными моментами истории».

С точки зрения мыслителя, позитивистское представление об историческом прогрессе дискредитировало себя и не может войти в инструментарий исторического материалиста. Оно препятствовало познанию прежних эпох, рассматривая их как менее развитые по сравнению с последующей, и не позволяло оценить глубину и возможности их влияния на современность, так как подразумевало, что человечество преодолевало прошлое безвозвратно. Общество, удовлетворенное лишь выстраиванием событий в одну сплошную линию, называемую «прогрессом», по сути, как следовало у Беньямина, не познавало историю, а только создавало удобный миф о своем развитии, в котором отражались актуальное состояние общества, текущий политический момент, доминирование в нем определенных социальных

групп, которым выгодна та или иная точка зрения на прошлое в тот или иной момент времени. У такого общества не было полноценной исторической памяти, поскольку значительная часть прошлого не была включена в воссозданную конструкцию минувших событий и явлений.

Свои рассуждения о механизме социальной памяти Беньямин не ограничил сферой искусства и критикой идей прогресса. О цельности его критического подхода к рассмотрению общественных явлений и анализу структуры сохранения представлений о них можно судить, анализируя теоретические рассуждения и конкретные исследования Беньямина, относящиеся к середине 1930-х гг. Материал для размышлений дают, прежде всего, немногочисленные теоретические работы по философии и методологии истории. Однако это можно сказать, и анализируя уже упоминавшееся незаконченное исследование парижских пассажей XIX в., и рассматривая серию работ, воссоздающих исторический контекст жизни и творчества «лирика в эпоху высокого капитализма» Бодлера, и разбирая небольшие критические тексты, посвященные отдельным историческим деятелям – писателям, художникам, публицистам, философам, историкам.

Для «материалистического историописания» Беньямина одним из принципов является «деструкция», ставшая частью методологии материалистического историка, для которого «важно, строжайшим образом отличать конструкцию исторического положения вещей от того, что обычно называют его «реконструкцией»». При этом собирательство как метод, концентрирующий внимание на уникальности каждой вещи, обнаруживаемой путем «вырывания из потока» и «деструкции», представляет собой важный элемент в технике «материалистического историописания» Беньямина. Отсюда большое внимание мыслителя к этому методу. По его мнению, именно для собирателя каждый сохранившийся предмет представляет собой ту нить, из которой состоит «вклад прошлого в текстуру современности», и без этого картина прошлого если не рухнет, то многое теряет для исторического материалиста. Он назвал собирателей «людьми с тактическим инстинктом», которые имеют с предметами своих собраний «самую глубокую связь», матери-

альность которой можно увидеть в том, что не предметы «оживают в них, а они обитают» в предметах.

«Материалистическое историописание» подразумевало особое критическое отношение исследователя как к собственным суждениям, так и к оценкам действий объекта его изучения. Мыслитель настаивал, что они имеют материально обусловленные причины, которые таким образом проявляют себя людям. Потому интеллектуальный фланёр в процессе познания должен постоянно критически оценивать свои взгляды на прошлое и быть готовым к оценкам других, иначе может возникнуть нечто «вечное», «реконструированное» на месте изученного прошлого. Размышляя в этом контексте, Беньямин подчеркивал, что «деструктивный характер только делает работу, он избегает творимого».

Критичность в данном случае отражает не только отношение собственно к объекту познания, но и положение субъекта познания. Поколение или отдельный человек в начале познания, пробуждаясь, находятся в критическом состоянии, когда они начинают глубоко и остро ощущать и воспринимать реальность. Если раньше существующая реальность считалась свободной от влияния прошлого и способной изучить историю, то теперь прежде, чем приступить к этому, нужно освободиться от видений прошлого, пробудиться и открыть себе путь к их познанию, которое возможно как «осмысление припоминаемого». Именно таким образом разворачивается материалистическое историописание.

Четвертый параграф – *«Конкретные исторические и культурологические исследования Беньямина: проблематика и особенности презентации научного опыта интеллектуальным фланёром»* – посвящен выявлению особенностей применения модели интеллектуального фланёра в исследованиях по конкретным проблемам истории и культуры. Наряду с крупнейшим, но незавершенным исследованием парижских пассажей XIX в. в научном наследии Беньямина присутствует ряд работ, представляющих отдельные стороны его концепции.

Для понимания исходных позиций Беньямина в разработке методологии исторического и культурологического исследования, а также при анализе мыслителем познания истории и

культуры самим обществом необходимо обратиться к «Берлинской хронике», одной из его неопубликованных работ начала 1930-х гг. Стилистические особенности «Берлинской хроники» становятся заметными, если учитывать, что примерно в то же время Беньямин создал ряд близких к ней по форме, идеям и содержанию работ, некоторые из которых были опубликованы полностью, например как «Краткая история фотографии», а некоторые, подобно «Берлинскому детству около 1900 года», частично и в разрозненном виде увидели свет в нескольких изданиях в течение 1930-х гг.

В отношении близости этих работ стоит отметить три обстоятельства: во-первых, они, наряду с «Берлинской хроникой», были обращены к недавнему прошлому, к событиям конца XIX в., непосредственным свидетелем которых был сам Беньямин, что помогло ему красочно и подробно передать некоторые стороны общественной и политической жизни этого времени; во-вторых, можно проследить методологическую близость этих текстов, поскольку трудно говорить в отношении их о привычной структуре научной работы, скорее автор старался, пользуясь его терминологией, разорвать довлеющую последовательность событий и детально проработать отдельные образы прошлого, полагая, что все они способны сложиться в цельную картину, свободную от давления стандартных моделей восприятия; в-третьих, эти работы важно рассматривать в тесном единстве с главным исследованием Беньямина этого времени, с исследованием Парижа в качестве столицы девятнадцатого века, более известным как работа о парижских пассажах. Последнее обстоятельство особенно значимо для «Берлинской хроники». Очевидно, находясь уже во власти используемой в работе о пассажах методологии, Беньямин при подготовке «Берлинской хроники» впервые применил ее на практике в этом относительно законченном исследовании. Именно так стоит оценивать значение этого текста, хотя его структура была довольно необычна для научной работы.

В силу своей сравнительной завершенности «Берлинская хроника» может считаться историческим исследованием, практически реализующим ряд концептуальных установок Беньямина: представление о влиянии (сно-)видений в начале познания

истории и культуры, необходимость осознания скрытости минувшего для объективного научного исследования и критического отношения к (сно-)видениям из сферы сознания, зависимость критической оценки субъекта познания от обстоятельств настоящего, сложность и диалектичность формирующихся в процессе познания истории и культуры образов. В «Берлинской хронике» Беньямин фактически позволяет себе сравнить процесс воспоминания отдельного человека и всего общества и отмечает, что для полноценной жизни и понимания собственной истории человек и общество должны постоянно находиться в процессе раскрытия прошлого. Человек, познающий прошлое, будучи на позициях, предложенных Беньямином в «Берлинской хронике», уже обладает знаниями о его неисчерпаемости. Он продвигается в его изучении, рассматривая все возможные варианты, поскольку именно в этом заключен смысл исторического исследования в понимании Беньямина. Эта работа напоминала мыслителю работу археолога с его продвижением слой за слоем в толщу породы, скрывающей в своих глубинах сокровенные тайны истории и культуры. При этом важно охватить не только максимально широкое пространство, но и не оставить без внимания ни один обнаруженный слой. Такое исключительно «материальное» сравнение процесса познания прошлого с археологическими раскопками вполне объяснимо с точки зрения исторического материализма, ставшего идейной основой интеллектуального фланирования Беньямина.

Наряду с вопросами разработки методологии важное место в научной практике мыслителя занимает применение самой модели интеллектуального фланёра. Собственно, на позиции фланёра Беньямин встал при изучении жизни и творчества Бодлера не в рамках исследования парижских пассажей, а как особого предмета изучения. «Лирика в эпоху высокого капитализма» он исследовал не столько как литературовед или филолог, но, прежде всего, как историк или даже историк культуры. Спустя годы Беньямин в качестве историка намеревался найти интенцию изучения творчества поэта как исторического источника, поместив его в контекст целой исторической эпохи. Образ оригинального поэта должен был стать частью образа оригинального времени. При этом раскрыть этот образ с использова-

нием господствовавшей методологии было невозможно, поскольку позитивизм с его верой в прогресс утверждал ущербность времени и места, когда и где творил поэт, по отношению к современности.

В основе «общественно-критического» взгляда на поэта – исследовательского подхода Беньямина к изучению его творчества – лежит представление о диалектическом образе на пути к пониманию литературных конструкций Бодлера и о выявлении через анализ диалектического образа отраженных в них событий его личной жизни и исторических феноменов окружавшей его социальной реальности. И то, и другое требовало комплексного осмысления с позиции особого для мыслителя понимания диалектического материализма. При этом предметом исследования Беньямина стали не только содержания литературных конструкций Бодлера, но и форма их передачи, а также исторический контекст и манера поведения поэта в процессе сбора информации для своих творений и в частной жизни. Такой методологический прием стал новаторским не только в рамках исследований Франкфуртской школы, в значительной мере опиравшихся на марксистскую теорию, что вызвало дискуссии среди коллег Беньямина, но и в рамках всего комплекса исследований по социальной истории.

В Заключении подводятся итоги осуществленной работы и делаются основные выводы. Изучение историографии идейного наследия Беньямина показало, что процесс осмысления его мировоззрения был тесно связан не только с раскрытием материалов, касающихся жизни и деятельности мыслителя, но и с изменениями культурного, политического, социального плана в историческом контексте, в котором он протекал. И лишь когда в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в центре общественных дискуссий оказался вопрос о политизации интеллектуалов, интеллигенции, которому также уделял значительное внимание Беньямин, интерес к его идеям вновь стал расти.

Новейшая историография научного наследия Беньямина разнообразна не только в подходах к общей оценке и изучению идей мыслителя, но и в рассмотрении отдельных аспектов его концепции различными сферами гуманитарного знания. Она словно соответствует намерению самого мыслителя свободно

фланировать в интеллектуальном пространстве. Собственно методология Бенъямина становится особенно актуальной с появлением и ростом популярности постмодернизма и различных родственных ему направлений философской мысли, для которых мыслитель рассматривается предтечей. Несмотря на свою близость марксизму и острую политизированность текстов последнего периода жизни, Бенъямин видится, прежде всего, как критик, сторонник фрагментаризма и деконструкции в познании, что считается для него условием понимания бытия.

Инструментом критики в руках субъекта познания исследователи признают у Бенъямина диалектический образ. Задачей познания является для исследователей именно выявление диалектических образов в конкретном контексте. Исторические ситуации или культурные явления представляют интерес именно как диалектические образы и многообразие диалектических образов. Для каждого общества поиск диалектических образов становится важнейшим этапом на пути обретения способности к самокритике. Такое понимание методологии Бенъямина делает его идеи актуальными и популярными в 1990-е – 2000-е гг.

Среди исторических феноменов, к которым Бенъямин мог применить методологию диалектических образов рассматриваются, прежде всего, парижские пассажи, ставшие предметом его незаконченного исследования по истории XIX в. Они признаются одним из понятий, введенных мыслителем в научный оборот и отражающих методологическую суть его концепции истории и культуры.

Столь обширное представление о диалектическом образе не позволяет, однако, заявить, что картина концепции истории и культуры выглядит сегодня в историографии работ мыслителя полной. Незаметным остается субъект познания, то, что в тяготеющей к гносеологии концепции Бенъямина является определяющим для понимания всего представления мыслителя об истории и культуре. Нерешенным остается вопрос о влиянии субъекта познания на исследуемые им процессы и обратного влияния их на него. Сложившееся понимание идей Бенъямина дает возможность увидеть их сохранившуюся актуальность и необходимость детального изучения субъекта познания в исторической концепции мыслителя.

Одним из вопросов, вызывающим дискуссии, но привлекающим до сих пор меньший интерес исследователей, остается вопрос об историческом контексте его становления как ученого, влиянии общественно-политической ситуации на перемены в представлениях мыслителя и в свою очередь восприятии его идей современниками – коллегами и противниками.

Проведенное исследование позволяет ответить на эти вопросы следующим образом. Формирование критического мировоззрения у мыслителя, создавшего основу для его отношения к актуальным политическим и культурным явлениям, было связано с «веймаризацией» социальных отношений в Германии и предопределило развитие его взглядов в дальнейшем. Постоянный поиск, сомнение, стремление к участию в дискуссиях стали важной чертой интеллектуальной жизни мыслителя. Ее моделью стал у Бенямина интеллектуальный фланёр, черты которого постепенно формировались и трансформировались под влиянием осмысления новых научных фактов и событий в политической и культурной жизни. Мыслитель исследовал фланёра в качестве исторического феномена и предлагал для выстраивания методологии исследований по истории, культуре и другим сферам гуманитарного знания.

Интеллектуальный фланёр, по мнению Бенямина, выбрав критическую позицию, должен был в условиях борьбы за интересы пролетариата, который стал для мыслителя классовым проводником новых идей, постоянно политизировать, «пролетаризировать» свои оценки в искусстве. Он противопоставлял такое поведение фланёра на стороне пролетариата эстетизации политики, которую выбирали и левые, и правые среди интеллектуалов Веймарской республике. Эстетизация уводила от борьбы, заменяя содержание формой. Левый фланг эстетизировал кризис, выбрав его в качестве формы и создав моду на кризис в искусстве, но не уделив внимание его сущностному преодолению в политике. Правый фланг наоборот обнаруживал эстетику в порядке, жесткой структуре, которую и предлагал зрителям сначала в своих произведениях, а затем воплотил в политике, в фашистском государстве, но которая, однако, не затрагивала общество в его основе и не решала его глубинные проблемы.

Противоречия общественно-политической ситуации Вей-

марской республики обозначили для Беньямина проблемы на пути создания модели интеллектуального фланёра. Опыт наблюдения за положением интеллигенции во Франции и России позволил ему увидеть, что интеллектуал не мог оставаться «над схваткой», с одной стороны, и работать в тесной связи с государством, с другой стороны. Беньямин считал, что в том и другом случае интеллектуал предавал свои интересы и упускал возможности для их отстаивания. Таким образом, интеллектуал либо соглашался с мнением буржуазии, что не должен помогать критиковавшему ее пролетариату, либо вставал на сторону государства, присваивавшего имя пролетариата для достижения собственных целей.

Критическая позиция интеллектуального фланёра напротив должна была не только демонстрировать слабость левого и правого фланга борьбы, но и разрушать основы социально-политического порядка, не позволявшего пролетариату реализовать свою программу. Непосредственно методом такого противопоставления и борьбы становился принцип «деструктивного характера», представленный Беньямином для общественно-политического участия интеллигенции в своих теоретических и методологических работах и найденный им в практической деятельности и в идеях А.Жида, С.Третьякова, но в наиболее законченном виде у Б.Брехта.

Получившая признание в качестве принципа общественно-политической деятельности концепция интеллектуального фланёра нашла научное обоснование в исследованиях Беньямина по истории и культуре. Важнейшим этапом в становлении концепции стало исследование критического метода ранних романтиков, представленное мыслителем в начале его научной деятельности в работе «Понятие художественной критики в немецком романтизме». Критический метод ранних романтиков логично предопределил формирование модели познания истории и культуры, разработанной Беньямином позже.

Формирование модели интеллектуального фланёра проходило у Беньямина в тесной связи с приобретением собственного повседневного опыта во время путешествий и наблюдений по европейским городам, ставших инструментом решения исследовательских задач: мыслитель собирал материалы для работы, а

впечатления, даже представленные в письмах, окаймлял аналитическими комментариями. Город становился метафорой в раскрытии самых разных тем. Фланёр стал у него историческим материалистом, технологию научного поиска которого он представил позже в работе «О понятии истории».

Беньямин пришел к выводу, что господствовавший позитивистский взгляд формировал ложное представление о свободном от политики научном подходе к истории. Он считал, что позитивистское представление о прогрессе препятствовало познанию эпох прошлого, поскольку они рассматривались как менее развитые по сравнению с нынешней. Такое представление не позволяло оценить возможности их влияния на современность, так как подразумевало, что, вступив в новую эпоху, человечество покидало минувшие безвозвратно.

Одним из инструментов познания прошлого для интеллектуального фланёра у Беньямина стал диалектический образ. При анализе исторических источников необходимо было выявить именно диалектические образы, а затем расшифровать их значение. Диалектичность подразумевала неоднозначность прошлого. Еще не обратившие на себя внимание образы прошлого представлялись Беньямину снами, видениями в общественном сознании. Историческое познание выступало пробуждением. Историк, актуализируя те или иные страницы прошлого и критикуя общую линию исторического развития, создает условия для пробуждения. (Сно-)видения, ставшие в результате пробуждения общества диалектическими образами, раскрывшие свои пред- и после- истории, освобождаются от мифических наслоений, присутствие которых в социальной памяти обусловлено стремлением господствующих социальных групп исказить образы прошлого в своих интересах.

В своих работах середины 1930-х гг. в качестве системы познания истории и культуры Беньямин предлагает «материалистическое историописание», в котором «деструктивный характер» исследователя с помощью «деструкции» взламывает историческую непрерывность», с которой первоначально связан предмет познания. «Материалистическому историописанию» при этом способствует собирательство как метод, концентрирующий внимание на уникальности каждой вещи, обнаружи-

ваемой «вырыванием из потока» и «деконструкцией».

«Материалистическое историописание» Беньямина подразумевает критическое отношение исследователя как к собственным суждениям и оценкам, так и к оценкам действий объекта его изучения. Они имеют материально обусловленные причины, которые таким образом и проявляют себя людям. Потому историк должен постоянно критически оценивать свои взгляды на прошлое и должен быть готовым к оценкам других, иначе может возникнуть нечто «вечное», «реконструированное» на месте изученного прошлого. Критичность в данном случае отражает не только отношение к познанию собственно объекта познания, но и положение самого субъекта познания. Поколение или отдельный человек в момент пробуждения находятся в критическом состоянии, когда начинают вновь остро ощущать и воспринимать реальность без (сно-)видений.

Таким образом, резюмируя сказанное относительно предмета исследования необходимо подчеркнуть следующее. Интеллектуальный фланёр в исторической концепции Беньямина представляется историческим материалистом, избирающим «деструкцию существующего «конформистского» арсенала понятий и представлений». Реконструированная в историческом предмете особенность может быть установлена историческим материалистом в его собственной современности. Тем самым с позиции материалистического историописания Беньямина история описывается «с учетом успеха или неуспеха самоосознанного, конституированного овладения историческим временем» и «одновременно реконструирует свою собственную современность как равным образом потенциально «возможную для настоящего времени»».

Интеллектуальный фланёр – это представитель развитого капиталистического общества, общества «высокого капитализма», житель большого города, свободно владеющий информацией и способный даже управлять и манипулировать ей, создавая новые образы в массовом сознании. В качестве создателя таких образов он знает им цену, потому легко находит и распознает их в окружающем его мире. Он стремится к постижению «диалектических образов», которые открывают сущность предмета и позволяют преодолеть манипуляцию и мифологизацию.

Поэтому чертой интеллектуального фланёра является «деструктивный характер», позволяющий ему разрушать конструкции сознания, которые препятствуют его свободному существованию. Он с постоянной критикой встречает подобные образы как порождения застывшего мифологизированного сознания. Он определяет их как (сно-)видения спящего человека. Общество, плененное такими (сно-)видениями, мифами и стереотипами, является для него таким же человеком. Интеллектуальный фланёр особенно явно видит их в политической сфере, которую захватывает не содержание, а форма, когда происходит эстетизация политики. Интеллектуальный фланёр – это критически мыслящий представитель общества, относящийся с большим сомнением к любым устойчивым идеологическим конструкциям как к ограничивающим интеллектуальный поиск. Поэтому интеллектуальный фланёр должен противопоставить эстетизации политики политизацию, «пролетаризацию» искусства. Духовная сфера не может находиться вне политики, иначе окажется в плену социальных сил, контролирующих власть и заинтересованных в создании (сно-)видений и манипулирующих другими группами и классами. В этом и заключается суть представлений Беньямина об интеллектуальном фланёре, как можно увидеть по его произведениям, переписке и архивным материалам.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора

Монографии

1. Смирнов Д. А. Интеллектуальный фланёр в лабиринте культур и времен: теория и практика научного поиска Вальтера Беньямина. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. – 183 с. (автора – 9 п.л.).
2. Смирнов Д. А. Критика как метод жить и думать: Вальтер Беньямин в европейском интеллектуальном пространстве 1920 – 1930-х гг. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – 164 с. (автора – 8 п.л.).
3. Интеллигенция: вопросы теории и методологии: монография / Под ред. В. С. Меметова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – 384 с. (автора – 1,3 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях

1. Смирнов Д. А. Десоциализация в условиях электронной культуры: фланёр как идея и образ жизни // Личность, культура, общество. – 2004. – № 4. – С. 299–309. (автора – 0,65 п.л.).

2. Смирнов Д. А. «Деструктивный характер» интеллигенции в понимании Вальтера Беньямина // Интеллигенция и мир. – 2010. – № 2. – С. 19–30. (автора – 0,7 п.л.).

3. Смирнов Д. А. Мужчина «неистощимого терпения» и его ангелы в женском обличье: Вальтер Беньямин о гендерном аспекте своей жизни в историческом контексте // Женщина в российском обществе. – 2010. – № 3. – С. 47–58. (автора – 1 п.л.).

4. Смирнов Д. А. Проблема политизации образования в дискуссиях марксистов Веймарской республики // Наука и школа. – 2010. – № 4. – С. 141–142. (автора – 0,3 п.л.).

5. Смирнов Д. А. Интеллигенция Советской России (конца 20-х – начала 30-х гг. XX в.) глазами немецкого интеллектуала // Интеллигенция и мир. – 2011. – № 1. – С. 82–96. (автора – 0,75 п.л.).

6. Смирнов Д. А. Сомнение как социальная позиция и научный принцип современного интеллектуала // Интеллигенция и мир. – 2011. – № 4. – С. 114–125. (автора – 0,6 п.л.).

7. Смирнов Д. А. Частная собственность как основа субъектности человека // Интеллигенция и мир. – 2012. – № 2. С. 57–61. (автора – 0,3 п.л.).

8. Смирнов Д. А. Французский интеллектуальный контекст в размышлениях Вальтера Беньямина о социально-политических процессах в Европе в 1920-х – начале 1930-х гг. // Интеллигенция и мир. – 2012. – № 4. С. 82–90 (автора – 0,4 п.л.).

Статьи и материалы

1. Смирнов Д. А. «Общественно-критический» взгляд на поэта: историческая концепция Вальтера Беньямина при изучении творчества Шарля Бодлера // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2009. – Вып. 3. – С. 39-51. (автора – 1 п.л.).

2. Смирнов Д. А. Русский консерватизм середины XIX – начала XX вв. в работах Вальтера Беньямина // Вестник Иванов-

ского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2008. – Вып. 4. — С. 81–88. (автора – 0,6 п.л.).

3. Смирнов Д. А. Критика как метод жить и думать: Вальтер Беньямин в интеллектуальном контексте «веймарской» Германии // Интеллигенция и мир. – 2006. – № 4. – С. 98–112. (автора – 1 п.л.).

4. Смирнов Д. А. Феномен «врачебного нигилизма» в критике Вальтером Беньямином общественной роли интеллектуала // Ответственность интеллигенции в контексте времени: мат-лы XXIII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 27–29 сентября 2012 г. / Отв. ред. В. С. Меметов. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. — С. 71–73. (автора – 0,1 п.л.).

5. Смирнов Д. А. Немецкая правая политическая философия межвоенного периода в оценках Вальтера Беньямина // Веймарская республика: история, историография и источниковедение: межвуз. сб. науч. трудов. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – Вып. 5. – С. 198–220. (автора – 1,0 п.л.).

6. Смирнов Д. А. Вальтер Беньямин и Готфрид Бенн в полемике о роли интеллектуала в обществе // Германия на перекрестках истории внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений: сб. ст. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011. — Вып. 2. – С. 57–60 (автора – 0,5 п.л.).

7. Смирнов Д. А. Политизация интеллигенции как условие сохранения ее социальной независимости // Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения: мат-лы XXII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 22–24 сентября 2011 г. / Отв. ред. В.С. Меметов. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – С. 106–108. (автора – 0,15 п.л.).

8. Смирнов Д. А. Критический метод анализа прошлого в ранних работах Вальтера Беньямина // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ – 2009: сб. ст. по итогам науч. конф., Иваново, 24 февр.– 3 марта 2009 г.: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. — Ч. 1. Естественные, технические и гуманитарные науки. – С. 73–79. (автора - 0,3 п.л.).

9. Смирнов Д. А. Большевицкий опыт политизации культуры России в 20-е годы XX века в оценках Вальтера Беньямина

// Государство, общество, церковь в истории России XX века: мат-лы IX Междунар. научн. конф. В 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. — Ч. 2. — С. 221–227. (автора – 0,3 п.л.)

10. Смирнов Д. А. «Материалистическое историописание» в исторической концепции Вальтера Беньямина // Терминология исторической науки. Историописание. / Отв. ред. М. С. Бобкова, С. Г. Мереминский. – М.: ИВИ РАН, 2010. – С. 286–305. (автора – 1,2 п.л.)

11. Смирнов Д. А. Роль и место интеллигенции в дискуссиях между Вальтером Беньямином и Бертольтом Брехтом // Отечественная и мировая интеллигенция в кризисные периоды истории: мат-лы XXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23–25 сентября 2010 г. / Отв. ред. В. С. Меметов. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. – С. 228–230. (автора – 0,15 п.л.)

12. Смирнов Д. А. «Оперирующий писатель» советской России в концепции немецкого интеллектуала // Государство, общество, церковь в истории России XX века: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. Иваново, 11–12 февраля 2009: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. – Ч. 1. — С. 376 – 380. (автора – 0,33 п.л.)

13. Смирнов Д. А. Вальтер Беньямин и левая интеллигенция Веймарской Германии // Веймарская республика: история, историография и источниковедение: Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – Вып. 4. – С. 38–60. (автора – 1,1 п.л.)

14. Смирнов Д. А. Гладить против шерсти: Сомнение как факт биографии Вальтера Беньямина // Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания; 5-е биографические чтения памяти В. Иоффе: сб. докладов. СПб.: НИЦ «Мемориал», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 156–164. (автора – 0,5 п.л.)

15. Смирнов Д. А. «Женщина как товар»: Вальтер Беньямин о проституции как показателе социального подавления в товарном хозяйстве // Гендерная дискриминация: проблемы, подходы, решения: сб. науч. ст. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – С. 96–107. (автора – 0,5 п.л.)

16. Смирнов Д. А. Контрреволюционные тенденции в общественной жизни Советской России в оценках Вальтера Беньямина // Государство, общество, церковь в истории России XX века: мат-лы VII Междунар. науч. конф. Иваново, 13–14 февраля

2008 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – С. 519–522. (автора – 0,2 п.л.)

17.Смирнов Д. А. Социальные типы европейского города XIX в. в работах Вальтера Беньямина // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ – 2007: сб. ст. по итогам науч. конф., Иваново, 6–8 февр. 2007 г.: В 3 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. – Ч. 3. Гуманитарные науки. – С. 54–62. (автора – 0,3 п.л.)

18.Смирнов Д. А. «Городские интересы» Вальтера Беньямина: в поисках модели для исследований // История и историография зарубежного мира в лицах: межвузовский сб. науч. ст. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. – Вып. VIII. – С. 189–201. (автора – 0,7 п.л.)

19.Смирнов Д. А. Возвращение фланёра: Вальтер Беньямин в интеллектуальной жизни Германии второй половины XX в. // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков, Москва, 28–30 октября 2005 г.: Сб. ст. / Под ред. Б. Бонвеча и А. Ю. Ватлина. – М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2007. – С. 284–293. (автора – 0,6 п.л.)

20.Смирнов Д. А. «Елецкие» странички из «Московского дневника» Вальтера Беньямина: осколки русских городов на рубеже веков // Государство, общество, церковь в истории России XX века: мат-лы VI Междунар. науч. конф. Иваново, 7–8 февраля 2007 г. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. – С. 282–285. (автора – 0,2 п.л.)

21.Смирнов Д. А. Европейский город XIX века в работах Вальтера Беньямина: к постановке проблемы // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ – 2006: Сб. ст. по итогам науч. конф., Иваново, 1–3 февр. 2006 г.: В 3 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. – Ч. 3. Гуманитарные науки. – С. 32–36. (автора – 0,2 п.л.)

22.Смирнов Д. А. Русские древности у Вальтера Беньямина // Церковь, государство и общество в истории России XX века: мат-лы V Междунар. науч. конф. Иваново, 8–9 декабря 2005 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская Православная Духовная семинария, 2005. – С. 195–197. (автора – 0,2 п.л.)

23.Смирнов Д. А. Балтийские мотивы в работах Вальтера Беньямина // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ – 2005. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. – С. 148–149. (автора – 0,1 п.л.)

24.Смирнов Д. А. Россия у Вальтера Беньямина: взгляд, оценка, образ // Германия: история и современность. Сборник статей памяти профессора Виктора Александровича Артемова. Часть 2. Германия и мир: образы, взаимоотношения, идентичности / ред. М. В. Кирчанов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. — С. 164–173. (автора – 0,5 п.л.)

25.Смирнов Д. А. «Долой маски!»: советская интеллигенция в критических оценках Вальтера Беньямина // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: мат-лы XVII Междунар науч-теорет. конф., Иваново, 21–23 сентября 2006 г. / Отв. ред. В. С. Меметов. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. – С. 235–236. (автора – 0,1 п.л.)

26.Смирнов Д. А. Фланер в столице «нового мира»: духовная атмосфера Москвы середины 20-х годов XX века в работах Вальтера Беньямина// Церковь, государство и общество в истории России XX века: мат-лы V Междунар. науч. конф. Иваново, 8–9 декабря 2004 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская Православная Духовная семинария, 2004. – С. 229–232. (автора – 0,2 п.л.)

27.Смирнов Д. А. «Московский дневник» Вальтера Беньямина: историко-методологический аспект // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ – 2004: мат-лы науч. конф., Иваново, 3–5 февраля 2004 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. – С. 218–219. (автора – 0,1 п.л.)

28.Смирнов Д. А. Время, образы и жизнь Вальтера Беньямина // Веймарская республика: история, историография и источниковедение: межвуз. сб. науч. трудов. Иваново, 2004. – С. 40–60. (автора – 1,1 п.л.)

СМИРНОВ Дмитрий Александрович

**НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА (1920-е – 1930-е гг.):
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ФЛАНЁР
В ЛАБИРИНТЕ КУЛЬТУР И ВРЕМЕН**

специальность 07.00.03 — всеобщая история
(новая и новейшая история)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать
Формат 60x84 1/16. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 3,48 Уч.-изд. л. 2,5 Тираж 100 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39
тел. (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru